

Александр Беляев

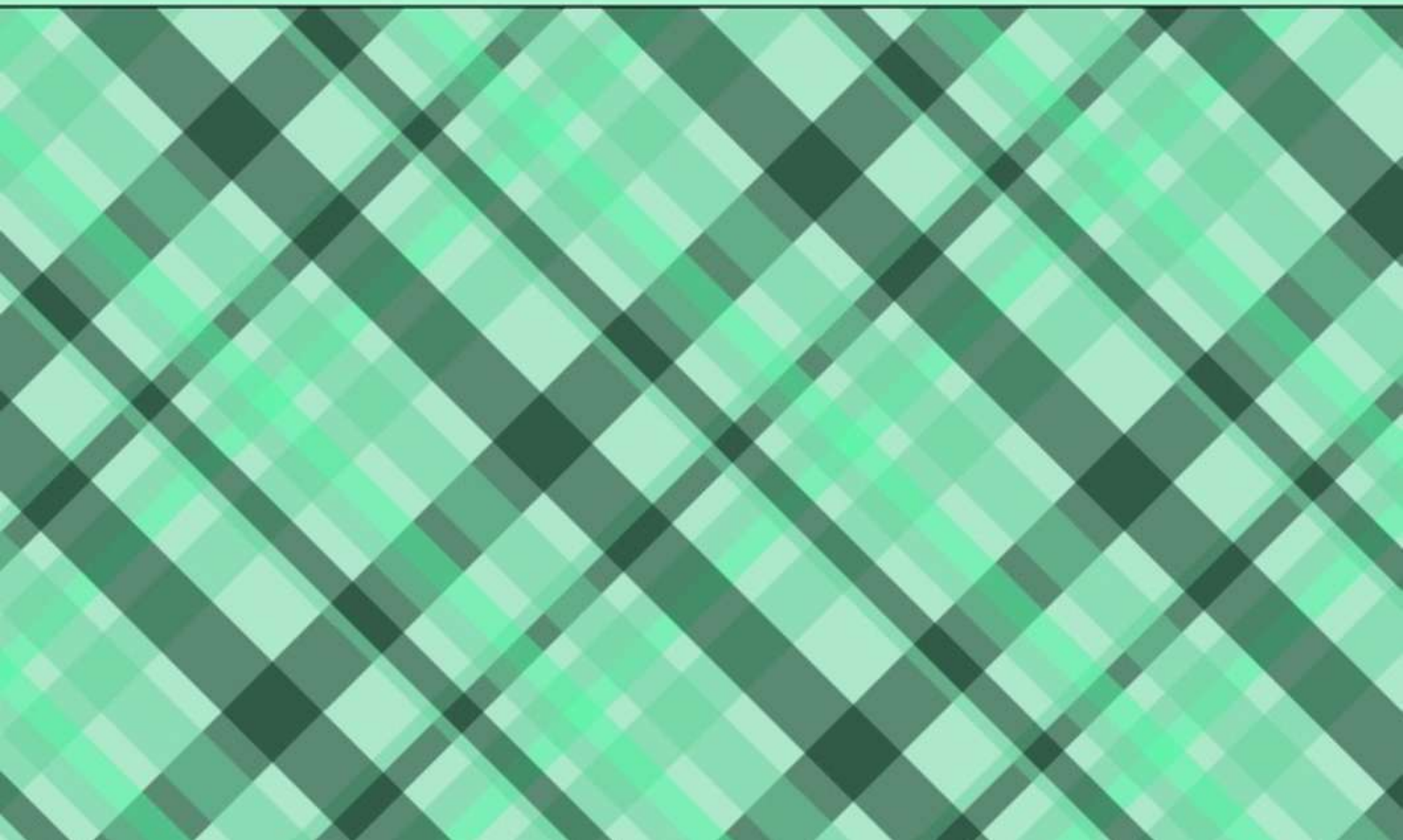

Астральная Упанишада

Хроники затомиса

Александр Беляев

**Астральная Упанишада.
Хроники затомиса**

«Издательские решения»

Беляев А.

Астральная Упанишада. Хроники затомиса / А. Беляев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835174-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Главный герой попадает в странный астральный
город, встречает там девочку из своего сна и узнает альтернативную историю
христианской цивилизации.

ISBN 978-5-44-835174-7

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Мескалиныч	6
ГЛАВА 2. Два города	22
ГЛАВА 3. Город грез	29
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Астральная Упанишада Хроники затомиса

Александр Беяев

© Александр Беяев, 2016

ISBN 978-5-4483-5174-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Мескалиныч

«Так, только без паники, – подумал Андрей, после очередной безнадежной попытки поговорить с призрачными обликами своих друзей, – постараемся разобраться с тем, что произошло. Прежде всего, тела никуда не пропали, похоже мы просто достигли какой-то границы, где временные парадоксы усилились, и мне, по какой-то причине удалось перейти этот рубеж и оказаться в новой реальности, а им – нет. Вернее – их астральные тела сюда проскочили, но двигаться не могут, их эти водоросли задерживают, а я через них спокойно прохожу. Теперь – о временных парадоксах. Судя по всему, мы дошли до черты, где время как бы назад идет: сначала появился первый параллельный поток, где время шло с задержкой, затем еще один, где задержка была уже гораздо больше – вон, даже прошлогодний снег появился, а затем присоединился поток альтернативных событий, где каждый из ребят погибает. И именно в этот момент, когда я у себя пытался такой же событийный хвост разглядеть, появился этот лес красных водорослей, и, как мне показалось вначале, физические тела ребят исчезли. Получается так: в этой зоне их тел как бы нет – и быть не может, в ней как бы другие причины и следствия происходили, и если следовать этой логике, то по отношению к этому месту, ребята как бы давно уже умерли – если отсюда как бы назад смотреть. А если снова назад вернуться, за границу водорослей, то получается, они снова живы, и преспокойно себе по лесу идут и не догадываются, что здесь их как бы уже нет, и быть не может... во нагородил, даже сам запутался. Так, поехали дальше: почему их астральные тела сюда попали? А все просто, астральные тела-то не могут умереть, следовательно они и тогда в прошлом, при альтернативных событиях никуда не делись, и вполне имеют право здесь присутствовать. Даже если они остались там в лесу в своих телах, то это какие-нибудь дубликаты из параллельного временного потока, с этим двоением мы уже встречались. Только, что же получается? Выходит, ребята там в лесу идут себе и идут, и неизвестно, сколько будут идти, но туда, куда я попал, попасть никогда не смогут, поскольку здесь умерли. А я в это время здесь... выходит, я там исчез? Или там вообще время остановилось? А если там время не остановилось, то интересно, заметили ли они, что я исчез, или там какой-то мой дубликат остался. Вот это пока не понятно. Но как такое возможно: там они идут, а здесь не идут! В голове не укладывается. Хотя... это ведь доказано, что если космический корабль подлетит к черной дыре, то он туда, в черную дыру вечно падать будет. Вернее, вечно для экипажа, и вполне им может казаться, что они продолжают лететь в свободном космосе, а для наблюдателя снаружи – они исчезнут, следовательно – погибнут, аннигилируют. А если допустить наблюдателя внутри дыры, то что он наблюдать будет? Вот это я, честно говоря, не помню. Выходит, это место что-то вроде черной дыры: для ребят, относительно меня, время остановилось, хотя они, очевидно, этого и не заметили – вон они в этом обратном ходе времени преспокойненько идут, как шли, но относительно меня – никуда они прийти не могут. Теперь вопрос – почему мне удалось в своем физическом теле сюда попасть? За что я такой милости удостоился? Конечно, в каком-то смысле я человек выдающийся, по крайней мере в мистическом отношении, но что касается обычной жизни, то я – сплошная несостоятельность – по крайней мере на данный момент. Так, ладно, все это лирика, а если серьезно – наверное моей исключительности недостаточно, чтобы законы вселенной нарушать. Значит здесь что-то другое, это не только черная дыра, но еще и дыра альтернативных событий, и в моем альтернативном потоке я не умер, а ребята почему-то умерли»...

Андрей стал перебирать в памяти ситуации, которые могли бы закончиться для него трагически, и решил, что, пожалуй только летаргия представляла явную угрозу жизни, и разве что некоторые астральные выходы.

«А хотя, кто знает, – думал Андрей, – предполагал ли Кожевников, падая от удара на пол, что в другом варианте мог удариться головой о штангу и поломать основание черепа. И то же

самое Крюков и Галя. Наверное любой переход через проезжую часть, поездка в поезде или на самолете может в каком-то ином варианте закончиться трагически. Тут, наверное, что-то другое, может эту альтернативную роковую судьбу я мог только у других увидеть, а у себя не мог. И все же, я пересек границу этой черной дыры альтернативных событий, а другие – нет. В чем же дело? А может, если все в этих аномальных ситуациях относительно, то вообще, то, что вижу я, видит и Галя, и Крюков, и Кожевников, и каждому кажется, что именно он пересек рубеж, а другие застряли во времени и пространстве. Вполне возможный вариант. Никто ведь не путешествовал в черную дыру, и не выходил оттуда, чтобы рассказать о реальных ощущениях. Если мы с Галкой видели, что ребята вместе с лагерем пропали, а они, напротив, считали, что никуда не делись, то это же аналогичный вариант. Да, тут можно гадать до бесконечности, но пока наша компания не воссоединится, ничего определенного сказать нельзя. А удастся ли воссоединиться – это еще вопрос»!

От этой мысли Андрею стало не по себе: «А может, вернуться? – мелькнула в голове испуганная мысль, – только посмотрю, возможно ли вернуться – и обратно!»! – Но тут же понял, что если ему удастся пересечь границу «Зияющего Ничто» в обратную сторону, то никогда уже он не решится повторить переход. А если переход не удастся, то сможет ли он преспокойно идти дальше, в поисках источника аномалии, или будет в ужасе метаться по этим водорослям в поисках выхода? Нет уж, если судьба привела его сюда, то лучше ее не испытывать, и идти дальше, скорее всего выход проявится после того, как он достигнет конечной цели. Кстати, а есть ли вообще эта конечная цель? Это еще вопрос!

Размышляя таким образом, Андрей шел вперед через красные водоросли, оставив позади так до конца и не сформировавшееся «Зияющее Ничто», а так же запутавшиеся в водорослях астральные тела своих друзей, и их же физические тела, размазанные в пространстве и во времени. Тайга исчезла из виду, исчез и шум пробивающейся через теснину реки, впереди и сзади колыхались розовые водоросли, которые оказались одной видимостью, поскольку их прикосновений Андрей не ощущал. Небо над головой стало розоватым, а земля под ногами превратилась в обнажившийся неровный базальт без намека на мох, траву или деревья, и только красные водоросли, словно бы растущие из этого камня перекрывали все пространство.

«Интересно, – думал Андрей, – почему этой красной зоны мы раньше не видели? Ведь из лагеря склоны каньона неплохо видны. Правда в момент взрыва красное зарево возникло, но потом все исчезло, только лес вокруг. А сейчас я уже сколько по этой зоне иду, и никакого леса. Куда же деревья подевались? Ведь если мне все это видится, то на деревья я должен же наткаться! С другой стороны, это не астральное путешествие, я в обычном своем теле нахожусь, значит сквозь деревья проходить не могу, да и в астрале я всегда чувствовал, когда сквозь преграду проходил. Может, это какое-то третье состояние, где тело видится, как обычное? Все может быть, после того, с чем мы столкнулись, ничему удивляться не приходится, и старые мерки тут совершенно не годятся. Здесь – особая зона, особое состояние. Интересно, а Маркелов или Балашов это смогли бы объяснить? Наверное, не смогли бы, это место скорее по части Станислава Лема или Братьев Стругацких. И все же, какое странное чувство, словно еще шаг и все исчезнет, а я провалюсь в какую-то бесконечную дыру – а это ведь не астрал, здесь провалиться я можно только в какую-нибудь яму. Хотя, с другой стороны, если это место – сплошная видимость, но иду я все же по-настоящему, то ведь я, не заметив, могу к краю скалы подойти и вниз грохнуться и тогда от меня рожки да ножки останутся»!

Эта неожиданная мысль встревожила Андрея, и он даже остановился, чтобы более внимательно осмотреться.

– Куда идти? – Вслух пробормотал Андрей. – Ведь кругом только эти водоросли и камень! Может, я давно уже с пути сбился и ни к какому месту выхода канала Нуль транспортировки не иду. А может, и нет никакого места выхода, или был, да исчез, как все здесь, и вообще,

неизвестно, сколько этот лес из ламинарий будет продолжаться? Сколько я уже по нему иду? Десять, пятнадцать минут? А может, уже час?

Андрей понял, что не сможет точно определить, сколько он бредет по этой странной зоне, чувство восприятия времени у него сильно нарушилось, в ушах пели сверчки. Попытки разглядеть что-нибудь впереди, а теперь уже и сзади ничего нового не дали – никаких ориентиров... хотя... внимательно приглядевшись, Андрей понял, что водоросли колышутся определенным образом и колыхания эти стали заметно сильнее, чем вначале. И еще. Словно какой-то неощутимый вихрь закручивает водоросли вокруг невидимого центра, который находится где-то впереди, по ходу пути Андрея – как закручивал бы смерч реальные деревья.

«Что ж, – подумал Андрей, – «все какой-то ориентир. По идее, если идти перпендикулярно к этому вращению, то выйдешь к центру «рощи», а в центре, я думаю, что-то должно быть, ведь вращение вокруг чего-то же должно происходить! Если меня сюда пропустили, то не спроста, значит куда-то я должен выйти».

Тут в его голове ни с того ни с сего стали слагаться странные строки, которые, казалось мало имели отношения к той ситуации, в которой он очутился. Причем слагались они безо всякого напряжения, словно их кто-то произносил в сознании, хотя даром импровизации Андрей никогда не обладал, и слагал стихи долго и мучительно. Он даже начал произносить эти строки вслух, причем ровно и ни разу не сбившись.

Я вас ловил часами,
Ваш гид и ваш свидетель
В мозаике касаний,
В загадке, как раздеть их.
Связав слова и тени
По просьбе гамм-созвучий
Я предавался лени
Дождинки в чреве тучи,
То вовсе из природы
Органных пассакалий
В текущем эпизоде
Пил океан печали.

И не было прощенья
Ужасному проступку
В слепом перемещенье
Стены в тоннеле жутком,
Как будто взять измором
Безмолвие Сезама
Утратил пыла порох
И заболел слезами.

Но в этом ускользанье
Пустынных коридоров
Бездонными глазами
Глядит, желанн и дорог
Блик ласкового света
Простой метаморфозы,
Где ничего не спето,
И ничего не поздно.

Андрей только успел удивиться, как естественно, без напряжения и мучительного подбора слов и рифм сложилось стихотворение, тем более, казалось бы, не имеющее отношения к ситуации. Ну разве что такое же непонятное, психоделическое. Тут его удивление усилилось многократно: он совершенно отчетливо, ушами, а не как-то там телепатически, услышал голос, звучащий откуда-то из гущи водорослей:

– Клево! Можешь еще что-нибудь?

«Господи, – подумал Андрей, – начинается. Все, крыша поехала! Хотя, почему начинается, продолжается и очень давно, почему же меня, когда вижу что-то потустороннее, это пугает меньше, чем когда слышу! Не ожидал здесь живое существо встретить? А, собственно, почему бы и нет. Сомнительно, что я здесь увижу кого-то из плоти и крови, а вот что-нибудь вроде Варфоломея или Дьюрина, или даже черного магистра – это вполне нормально. Правда раньше они все больше в астрале появлялись, но ведь в подобных зонах я никогда не бывал, тем более в обычном теле. Забавнее всего, что его мои импровизации заинтересовали – вот это действительно сюр какой-то. Ладно, идем вперед, и посмотрим, что это за любитель авангардной поэзии».

Андрей пошел на голос, ускорив шаг, и тут водоросли расступились, и он оказался рядом с причудливым, можно даже сказать, сюрреалистическим сооружением, которое, как Андрей понял позднее, оказалось сформировано с помощью все тех же красных ламинарий, переплетенных совершенно фантастическим образом. Казалось бы, нарушая все законы физики и тяготения, оно словно было создано фантазией какого-нибудь Сальвадора Дали, и отдаленно напоминало огромный гриб с множеством выдвинутых полочек (эти полочки, возможно и напомнили Андрею творчество великого испанского художника). Сооружение стояло на небольшой базальтовой площадке, а за ним водоросли заканчивались и возникала стена тумана, за которой уже ничего не было видно, но теперь туман стал голубовато-зеленоватого оттенка. Вначале Андрей не увидел никого живого, и тут откуда-то сверху снова раздался немного гнусавый, растягивающий слова голос, словно бы произносящий его человек, или Бог его знает еще кто, находился под легким кайфом.

– Ты, чё, чувак, закумарился, не врубаешься? Здесь я!

Андрей поднял глаза вверх: примерно на уровне второго этажа на краю выдвинутой из фантазмагорического гриба полочки сидел маленький человечек, одновременно напоминающий двух казалось бы несовместимых существ. С одной стороны он был похож на прожженного хиппи времен фестиваля в Вудстоке: худой, как щепка, с длиннющими засаленными волосами, в затертом джинсовом прикиде, в майке с изображением Джона Ленона и надписью «мэйк лав, нот уор». С другой стороны он чем-то напоминал оживший персонифицированный мухомор, словно хиппи решил сыграть роль мухомора на детском утреннем спектакле. На голове у него была водружена шляпа, розовая в крапинку, с паутиной и листиками на тулье – типичная мухоморовая шапочка, а на шее нелепо красовался гофрированный «испанский воротник». Да и сам он был какой-то мухомороподобный: рожа бледная, даже с зеленоватым оттенком, но красными пятнами, и так же, как его шляпу, джинсовый костюм затягивала паутина с прилипшими к ней сухими листиками. К тому же все пропорции его тела казались какими-то неустойчивыми, подчеркивающими принадлежность хозяина к потустороннему миру: руки, ноги и шея его то вытягивались, то укорачивались, причем не синхронно, поэтому одна из рук или ног могла оказаться в 2—3 раза длиннее другой. Да и вообще, весь его облик был какой-то зыбкий, плавающий, и если бы все это происходило в астрале, Андрей несомненно счел бы его личностью синтетической, возникшей из его, Андрея, собственных мыслеобразов подсознания.

Вопрос его, вернее форма вопроса, взятая явно из какого-то хиппейно-наркоманского арга, тоже весьма озадачил Андрея, поскольку менее всего соответствовал данной ситуации.

– Здравствуйте, – сказал Андрей растерянно, – я, собственно, не ожидал, что меня здесь кто-то слушает, да и эту конструкцию, тем более обитаемую, встретить здесь никак не ожидал. Вообще-то обычно я свои стихи вслух не читаю, просто видимо здесь место какое-то особенное, импровизация получилась, и это впервые в моей жизни – я имею в виду здесь, на Земле.

– Ну, начнем с того, – сказала загадочное существо, болтая с полки то удлиняющимися, то укорачивающимися ногами, словно они были из тонкой резины, в которую то наливают, то откачивают воду, – что это не совсем Земля, это место встречи, или, так сказать, зона, граничащая с точкой сборки, и то, что ты видишь – одна из твоих глосс. Так что ничего удивительного, что у тебя импровиз прорезался, тут и не такое могло случиться.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал Андрей, – просто я привык, что такие вещи в астрале происходят, а это не астрал, по крайней мере я еще такого астрала не видел, хоть и полетал на своем веку. Ты, надеюсь, понимаешь, о чем я, ты ведь сущность потусторонняя...

– Еще бы, – усмехнулся «неустойчивый человечек», – потусторонней некуда. А ты, как? Кумарил или трескался? Или, может, по колесам? Хотя, я тех, кто на колесах сидит, не уважаю, они не из моей ведомости.

– Чего, чего? – Не понял Андрей, никогда не вращавшийся в наркоманских тусовках, – как-то странно ты говоришь, словно хиппи какой. А я думал, это чисто земное явление.

– Так ты не торчок? – Удивленно вытаращился на него человечек, – как же ты здесь очутился, да еще со всеми манатками? А я поначалу не разобрался.

– А, – наконец дошел до неподготовленного Андрея смысл услышанного сленга, – ты имеешь в виду, не наркоман ли я? Да нет, я по другой части. А почему я сюда попал? Так кто ж его знает, я думал, ты мне объяснишь, раз ты из этой сакуаллы. Может, потому я что я мистик, внетелесник...

– Так ты духарь! – Облегченно проговорил человечек. – Рашн саньяса! Тогда понятно, тем более, не местный и не шаман. Небось в землянке живешь, Сатори ожидаешься!

– Да ни в какой землянке я не живу и никакого Сатори не ожидаюсь. В астрале я путешествую, а тут такая чертовщина творится – не знаешь, где, в каком мире и времени в следующий день окажешься. Вот теперь я здесь очутился, и поверь, мне это так же непонятно, как тебе. Объясни, кто ты такой, что это за базар наркоманский, что это за место, и вообще, что здесь происходит. Кстати, тут неподалеку, перед тем местом, где водоросли вдруг выросли, мои друзья остались. Их астральные тела в водорослях запутались, а физические как бы во времени и пространстве размазало. Лично я с таким явлением впервые встречаюсь и объяснить здраво никак не могу, хотя мистического опыта мне не занимать, и ребят, подобных тебе, я немало на своем веку повидал.

– Астральщик, значит, – пробормотал человечек. – Стремно, тем более стремно, как ты сюда попал, видно это результат того смура, который здесь с недавних пор начался. Ладно, попробуем этот вопрос совместно решить... нет, правда никакой наркоты не принимал?

– Да, нет же, далась тебе эта наркота! Тем более, ты сам, насколько я разбираюсь в медицине, внутрь весь этот хлам принимать не можешь. Не думаю, что у тебя есть желудок или вены.

– Нет, конечно, – почему-то сразу скис человечек, – без тела это – сам понимаешь, невозможно.

– Так какого же ты это фуффло гонишь? – Перешел и Андрей на соответствующую лексику, чтобы подыграть человечку. – Под центрального косишь? Тут тебе не Москва и не Питер, а местные вряд ли в системе тусуются.

– Ты понимаешь, чувак, – грустно проговорил человечек. В его тоне появилась доверительность, – понятное дело, ни шмалять, ни мазаться я не могу, и честно признаюсь, уважаю тех, кто в крепкой завязке – таких как ты, например, но, как не печально, мои профессиональные и бытийные интересы связаны с теми, кто так или иначе примыкает к системе. Но с другой стороны, и лес – моя прямая вотчина. А насчет центра – ты ж астральщик, сам знаешь,

пространство у нас – штука фрактальная, мне не сложно в сей момент и в Питере и Москве очутиться – или в каком-нибудь Свято-Какашкине в Подмосковье, где торчки на дачах трескаются. Я прямым образом отвечаю и за кайф и за глюки. Сам знаешь, тут главное – сродство частот, резонанс, – наконец произнес человек слова более «высокого штиля», – потому я и думал, что ты тоже из системы.

– Тогда, что ты в лесу делаешь? Тем более в этой глухомани! Здесь же за сто верст живой души не встретишь, я имею в виду, человеческой, – оговорился Андрей, вспомнив, что лес просто кишит всякими духами и стихиялями, – ты же, как я понимаю, именно на людях завязан, их пранушку попиваешь, – не смог он избежать соблазна подколоть человека, – ты же, если я правильно врубаюсь, дух стихииали наркоманов?

– Не совсем, не совсем, – проговорил человек, – конечно, я напрямую с ними связан, но если бы их вообще не было, я бы тоже без дела не сидел, жил бы как все обычные духи стихииалей, вроде Мурахаммы или Фальторы, и обменивался с миром естественными природными энергиями. А с людьми бы дело имел не со всякой шушарой, а с народными целителями, которые в лечении естественные галлюциногены используют. Или, скажем с шаманами. Я ведь дух природных растительных галлюциногенов и звать меня можешь Мескалинычем. Это, естественно, кликуха такая, настоящее имя, сам понимаешь, я никому сказать не могу. О чем это я... ах да, в последнее время в нашу психоделическую сакуаллу столько торчков въезжать стало, что только с ними дело иметь и приходится – ну и, конечно, обмен энергиями,мыслеобразами и все такое. Но это – закон природы, тут уж никуда не денешься – отсюда и мой Арго, хотя раньше я так никогда не базарил, но с кем поведешься – с тем и наберешься. А то, что мне твои стихи понравились – так не удивительно, мои торчки тоже все поголовно музыканты, поэты и художники доморощенные, но у них, как правило, туфта одна выходит, им кажется, когда у них башня едет, что они что-то конгениальное отчубучивают, но я то вижу, что все это бред сивой кобылы. У меня художественный вкус тонкий, изысканный, и то, что ты не фуфлогон какой, я постепенно начинаю въезжать.

– Ну, тут, наверное, ты не совсем прав, – польщено ответил Андрей, – обо мне говорить не будем – кому-то моя поэзия нравится, кому-то не очень, хотя я по поводу своего места в искусстве не сомневаюсь. Что же касается известных великих поэтов, тут все так – я лично ни одного большого поэта наркомана не знаю, хотя, говорят, Бодлер чего-то там принимал – так у того тоже не все в порядке с головой было. Но это скорее исключение из правил.

– Это все верно, – закивал Мескалиныч, – только люди эти – действительно гениальные – во время своих творческих прорывов совсем в другую фазу сознания входят, и в нашу сакуаллу не попадают. У них своя особая, высокая, творческая, связанная с трансифом, а к нам только обусловленные торчки въезжают, которые только нашу информацию считают – а она однозначно бредовая. Другое дело, когда гений наркотой подорван и талант свой загубил – тогда он уже чисто наш, но в этом случае ни на что высокое уже и не способен – только нашу лабуду считает.

– Что же ты так критически к своему миру относишься? – Усмехнулся Андрей. – Даже как-то странно. Кстати, кличка твоя «Мескалиныч» часом не с Кастанеды срисована? Там дух пейота «Мескалито» назывался. Но алкалоид мескалин, насколько я помню, в кактусах содержится, а ты что-то там о грибах и в частности о мухоморах говорил. Так в мухоморах не мескалин, а мускарин, так что тебя, наверное, правильнее «Мускаринычем» звать.

– Так меня вначале и звали, – опустил глаза человек, – но «Мускариныч» уж больно как-то сермяжно звучит, от этого имени дохлыми мухами за версту разит, это все равно, что «Мухоморыч». А я существо утонченное, прозападных настроений, и Мескалито, о котором ты упомянул, мой не такой уж дальний родственник. А то, что я о нашем слое так неуважительно высказался, так я из разжалованных, мы и повыше небеса видали.

– Что ты говоришь! – Поразился Андрей. – Я гляжу, у вас, духов это повальное явление. Я одного разжалованного знавал – он был очень древний, и сначала являлся кем-то вроде Гермеса – богом-посланником, а потом его в домовые разжаловали. При этом, с точки зрения человеческой морали ничего плохого он не сделал, напротив, очень благородно себя повел, но нарушил какое-то там Равновесие.

– И не говори, – махнул на него рукой Мескалиныч, причем та сразу удлинилась в пару раз. – Уж это мне Равновесие! Но ничего не поделаешь, не мы его установили, не нам отменять. Чтобы вверх по слоям продвинуться, века нужны, а слететь в один момент можно. Я, правда, не в момент слетел, постепенно съехал. А в чем я виноват, меня таким сформировали!

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Андрей, – что-то ничего не слышал про формирование духов. И откуда же ты в этот слой мухоморовый залетел?

– Не мухоморовый, – поморщился Мескалиныч, – это слишком узко, а сакуалла лесных галлюциногенов. Тут далеко не одни мухоморы, тут и алкалоиды спорыньи, и дурмана, и белены, и болиголова, и белладонны, и аконита, и массы других растений и грибов. Энергия их формирует особое глючное пространство, куда торчки въезжают. Такова моя вотчина. У конопли и мака, которые в других биотопах произрастают – другой, правда очень близкий слой, ну и понятно, всякие там пейоты, веролы, аяхуаски, коки – еще дальше от нас, тем не менее, все это сфера моих энергий, влияний и интересов, и я это неким образом персонифицирую в плане формы и в плане состояний. Поэтому-то вся эта хипейщина из меня нынче так и прет – ничего не поделаешь, форма. А когда-то я был в ином слое, в слое, сформированном по образу и подобию мощных творческих вдохновений. Это ваше, человеческое детище – естественно, не целиком и полностью, поскольку вдохновение – оно свыше вам дается, следовательно вы его перерабатываете и реализуете в какое-то произведение искусства. А если образ точно найден, то формируете и духа соответствующего, который на тонком плане является отражением этого образа, не важно, поэзия это, проза или живопись. Поэтому, Бог вам подает, а вы улавливаете и формируете образ в сотворчестве, в каком-то смысле получив некоторые функции Творца. Так что, с одной стороны я – ваше детище, а с другой стороны, я сам теперь на ваше сознание влияю, и, к сожалению, далеко не лучшим образом. Но здесь, как я сказал, моей вины нет, мне творец такие тенденции задал.

– И кто же твой творец, и кого ты в этом творческом слое из себя представлял?

– Первичный создатель, конечно, был, но в дальнейшем фигура его персонажа настолько обросла домыслами, дорисовками и дополнениями, что сейчас уже не возможно сказать, кто это был конкретно. Ну а с образом, которым я был в творческом слое, ты несомненно знаком.

– И кто же это?

– Кощей Бессмертный!

– Кто, кто?! – Андрею стоило немалых сил, чтобы не расхохотаться, столь нелепо звучало это заявление.

– Что, не похож? – Усмехнулся человек. – Естественно, теперь и не похож, но ты же астральщик, должен знать, что форма у нас, духов, вещь условная. Тем более, я теперь, считай, и не Кощей Бессмертный, считай, Мескалиныч. Но, если нравится – пожалуйста!

И заскорузлый хипок в мгновение превратился в мумиеподобного злодея с крючковатым носом и горящими, как головешки глазами, упакованного в помятые, ржавые латы, затем снова вернулся в прежний «Джинсовый образ», очевидно среагировав на мысль Андрея, что с хипком ему легче общаться, чем с какой-то консервной банкой.

– В таком прикиде, – усмехнулся Мескалиныч, – мне в этом слое проще оставаться, все же основные частоты обязывают, поэтому преобладают хипейно-грибные тона. Конечно, можно было бы косить и под какого-нибудь исламиста-асасина, или под местного кама, это тоже вполне в духе, но у каждого свои личные пристрастия.

– А знаешь, – сказал Андрей, – случайно или нет, но я тут уже две недели с приятелями по какой-то чертовщине разгуливаю. Сначала мы сюда приехали самоцветы для ювелирных поделок собирать, но теперь уже не до камней, тут бы крышу сохранить. Так вот, недавно я со своей девушкой оказался в каком-то месте – вернее – слое, где все было как в одном моем стихотворении – как будто некий творец это место с него срисовал.

– Ну, это ты себя несколько переоцениваешь, – вставил бывший Кошей Бессмертный, – скорее ты эти энергии почувствовал, и внутренним зрением тот слой увидел и описал – хотя, отчасти ты прав, своим стихотворением ты мог придать динамику, дать толчок для развития там событий. Тут присутствует прямая – обратная связь.

– Не знаю, тебе виднее, – продолжил Андрей, и вкратце описал их с Галей путешествие в стихотворное пространство.

– Окна, – пробормотал Мескалиныч, – опять эти окна, они в последнее время все чаще и чаще возникают. Я думал, они только у нас, в тонком плане появились, а выходит, и в Энрофе тоже.

– А что, – насторожился Андрей, – раньше их не было?

– Да, в том-то и дело, что не было. Кто-то нарушает Равновесие, и между сакуаллами возникают пробои, и начинается непредсказуемое смешение энергий и материй разных планов.

– Так, чего ж плохого, – пожал плечами Андрей, – разве плохо, что появилась возможность вот так путешествовать из слоя в слой, причем без всяких там астральных выходов.

– А я вот твоего оптимизма не разделяю, – серьезно посмотрел на него Мескалиныч. Андрей обратил внимание, что из речи галлюцинаторного духа в последнее время исчезли словечки из наркоманского сленга). – И сущности более высоких рангов тоже не разделяют. Ты думаешь, такой миропорядок и равновесие случайно заведены были? То что Земля и мир существуют, мы обязаны только разделению слоев. Когда-то, много тысячелетий назад, аналогичная ситуация уже возникала, и полчища демонов хлынули на Землю. Именно тогда в человеческой цивилизации Добро впервые смешалось со Злом, и частично перемешались грубые и тонкие материальные слои и разные временные потоки. Демиургам в дальнейшем, правда, удалось восстановить перегородки и отрегулировать Равновесие в новых условиях, но к прежнему Золотому веку, когда все было на месте, Земля больше не вернулась. Теперь возникает новый прецедент.

– Неужели, одно-два окна могут так расшатать мироздание, – удивился Андрей, никогда не слышавший историю появления Гагтунгра на Земле, которую в свое время рассказал Ане Варфуша. – И потом, с чего ты взял, что они только сейчас появились? Наверняка что-то такое и раньше было – тот же Бермудский треугольник или М-ский треугольник, или Шушморское урочище!

– О том, что они недавно появились, можешь мне поверить, – сказал Мескалиныч. – Меня именно в связи с появлением окон сюда и направили для разведки и блокирования... одного очень важного на Земле места – точки сборки Шаданакара. Не имею права сказать тебе, что это такое конкретно. Ну, так вот, кто в этом виноват, не знаю, в высших инстанциях мне не объяснили, а знают ли там – мне не известно. Но это явно чья-то злая искусная воля, поскольку создать такие окна чрезвычайно сложно – перегородки создавались Демиургами с учетом того обстоятельства, что некоторым силам обязательно захочется эти перегородки расшатать, как уже бывало. Чтобы создать такие окна, нужно добраться до Штурвала... тоже не могу сказать тебе, что за Штурвал такой, это секретная информация. Он тут, неподалеку расположен, и путь к нему я перекрываю. Потому-то твои дружбаны и не смогли сюда подобраться.

– Но почему?

– А в этой зоне такая причинно-информационная направленность, что они здесь через альтернативные события пропущены, и умерли – но ты не бойся – умерли только для этой зоны, но не вне ее. В их жизни произошли события, в результате которых они могли умереть:

так, случайности, у каждого своё, но в результате их здесь нет, и быть не может. Практически ни один человек не может сюда явиться, здесь особая кармическая аномалия, запускающая именно летальную версию, правда в особом психоделическом состоянии аномалия выравнивается, поэтому-то я и был уверен, что ты – торчок, но теперь-то вижу, что причина в другом, ты – вестник...

– Это в каком смысле, – польщено потупил глаза Андрей. – Насчет альтернативной фатальной версии каждого из ребят – это я понял, я видел это, когда мы сюда подходили, – (Андрей пересказал то, что он видел), – и действительно, такого шлейфа, где бы возможный смертный час изображался, только у меня не было, хотя до этого двоение своего тела я отчетливо видел. Даже как-то странно, наверное в жизни каждого человека была ситуация, когда он мог погибнуть, мне кажется, и у меня подобные ситуации были. И твой вариант с торчем также не подходит, я наркотиками последний раз баловался лет 15—16 назад... хотя, один необычный напиток я принимал лет 10 назад, но его к разряду наркотиков, пожалуй, нельзя отнести (Андрей, разумеется, имел в виду Сому, добытую в далеком прошлом, но не хотел сейчас касаться этой истории).

– В том смысле, вестник, – сказал Мескалиныч, очень странно посмотрев на Андрея, – что ты пришел на Землю для некой миссии, и в альтернативных судьбах не мог умереть. С тебя эту вероятность постоянно какая-то Сила убирала, правда, какая – не знаю, этого мне видеть не положено.

– Ну, – разочарованно протянул Андрей, – это я и сам мог бы предположить. Может на мне знак какой, так ты не стесняйся, скажи, когда раньше я в астрал выходил, то у меня всякие там сущности все время пытались похитить астральный медальон, и называли его «ключом» – его мне в астрале одна светлая душа подарила. Правда я до конца назначения его так и не понял. Может ты это имел в виду? Или еще, уже когда мы в экспедиции были, то мне та же самая душа в физическом мире явилась, и привела к месту, где я нашел вот этот маленький золотой самородок, – Андрей вытащил из-под рубашки шнурок с «коронеткой» и показал Мескалинычу, – видишь какой необычной формы, словно его специально отлили. После этого вся основная чертовщина и началась. Да, кстати, почему ты вначале меня за наркошу принял, а потом в вестники записал – ведь и правда, на первом медальоне стояла надпись «астральный вестник» – вы же, духи стихий, должны эти вещи сразу видеть. И в чем, собственно мое вестничество состоит, и какая миссия – мне пока тоже не ясно.

– Видишь ли, – сказал Мескалиныч, – ты о нас слишком по человечески судишь. Мы в своих действиях и чувствах намного менее самостоятельны, чем вы. Если дух вначале говорит одно, а затем – другое, значит у него программа такая – мы постоянно запрограммированный спектакль играем с целью вашего обучения.

– Что за программа такая, кто вам ее разрабатывает?

– Я же говорю, мы обусловлены. В начале я видел то, что положено видеть духу моего слоя – в преломлении той энергии, которая лепит наши формы, а затем мне почему-то показали нечто большее – почему – не мне судить, мне вообще рассуждать не положено, и что я сказал, то сказал – больше ничего сказать не могу. А кто программу закладывает? Да сегодня один – завтра – другой. В настоящее время я должен подчиняться шаману одному, его Силавун зовут, он рядом с Телецким озером живет.

– Что ты говоришь! – Поразился Андрей. – Я о нем уже давно слышу, еще с Москвы. Один из тех, кто там, за зоной водорослей остался, его знает, он к нему несколько раз ездил, правда я так и не понял, чему собственно он у этого Силавуна научился. Может, ты расскажешь, кто он такой?

– Ну, – протянул Мескалиныч, – когда я буду знать, кто он такой, то не он мной, а я им буду управлять, а пока я вынужден ему подчиняться. Еще могу сказать, что он белый шаман, то есть с подземными духами дела не имеет, и конкретных людей не лечит, у него более общие

задачи, например следить за Равновесием, и то, что он меня сюда прислал – это как раз связано с нарушением Равновесия. Естественно, лично я выровнять его не могу – это мне не по рангу, мое дело заглянуть пространство, чтобы точку сборки от нежелательных влияний уберечь. Правда, задача моя местная, а процесс нарушения, как я понял, гораздо шире пошел.

– Да, – сказал Андрей, – все ясно, что ничего не ясно. Что такое точка сборки, это я у Кастанеды читал, но ты, очевидно, что-то другое в виду имеешь. У Кастанеды точка сборки – это нечто человеку присущее, и когда она сдвигается, человек как бы другой мир видеть начинает – очевидно, как я сейчас.

– Так все верно, – усмехнулся Мескалиныч, – у торчков она и едет, когда они глюк видеть начинают. Это как раз то самое и есть.

– Но ты ведь говоришь о какой-то зоне на Земле, здесь, неподалеку, которую ты каким-то образом перекрываешь. Кстати, на этот каньон мы полезли, поскольку нечто необычное тут обнаружить предполагали. – И Андрей рассказал Мескалинычу об истории с тоннелем Нуль-транспортировки. – Судя по всему, – закончил он свой рассказ, – как раз где-то здесь и рвануло, за несколько километров от того места, куда мы шашку кинули.

– Все верно, – закивал головой Мескалиныч, в пару раз удлинив свою шею, – это называется «пространство сбесилось» – прямое следствие тех самых окошечек.

Так это не твоя работа?

– Да нет, если мне удастся хорошо пространство заглянуть, тогда это хотя бы на время точку сборки от прямого попадания уберезет.

– Что значит «от прямого попадания»?

– А то и значит, что туда ни посторонняя материя, ни посторонняя энергия попадать не должны, иначе Равновесие еще сильнее потрянет, и начнется цепная реакция. Она, кстати, уже идет, только ее пока сдерживать удастся. А ваш взрыв мне удалось отвести в сторону, в этом и заключается искусство заглаживания пространства, иначе та самая шашка, которую твой приятель по дури в окно засунул, прямехонько в точку сборки бы и угодила. Конечно, Земля от этого бы не погибла, но серьезные неприятности быть могли.

– Да, кстати, – вспомнил Андрей, – ты так и не сказал, что подразумеваешь под точкой сборки.

– А никакого противоречия вашему Кастанеде тут нет, – пожал плечами Мескалиныч. – Кстати, он хорошую рекламу моему родственнику Мескалито сделал, а следовательно и мне... хотя в ранге Кошья бессмертного мне лучше жилось – но тут уж не до грибов, тут уж радуешься той рекламе, которая нынешнему облику подходит...

– Опять ты отвлекся, – направил его к сути вопроса Андрей, – все тебя в сторону уводит.

– Так, что же делать, я же дух галлюциногенов, я и сам в сторону увожу, а следовательно и меня самого все время в сторону косит. Это и есть та самая «глючность»... да, о чем это мы?

– О точке сборки! – В который раз раздраженно напомнил ему Андрей.

– Ах да, о точке сборки... так вот, точка сборки есть у человека, а есть и у Матушки Земли, причем не одна, правда сколько их, мне по рангу знать не положено, но одна из них как раз здесь и расположена.

– Это мне не совсем ясно, – сказал Андрей, – я понимаю, Земля – сложное, многослойное образование. Если взять всю систему миров, так или иначе связанных с локусом Земли – ее Даниил Андреев Шаданакаром назвал, – то это вообще нечто невообразимое. Но все же точка сборки, как я понимаю, должна быть у живого существа, наделенного сознанием.

– Так Земля и есть существо, наделенное сознанием.

– А, – протянул Андрей, – ты имеешь в виду нечто, как в повести Конан Дойля «Когда Земля вскрикнула»? Что где-то там под многокилометровой толщей породы находится трепетное белковое тело Земли, которое профессор Челленджер потревожил с помощью гигантского бура?

– Никакого Конан Дойля я не знаю, – пробурчал Мескалиныч, – но никакого белкового тела у Земли нет и быть не может.

– Но ты же сказал, что Земля живая. – Не унимался Андрей.

– Ты что, отупел совсем, по тайге путешествуя? – Возмутился Мескалиныч. – Так рекомендую драч зашанить, сразу воображение разыграется. Какой же ты на хрен астральщик, если понятие жизнь связываешь с белковым телом? Тогда и я, получается, не живой, а у меня, извини, отродясь белкового тела не было. Это только в русских народных сказках я в этом белковом теле, хоть и жутко худом, по земле разгуливаю и всяких Василис Прекрасных краду. Так вот, все пространства и энергии Земли, которые ты назвал Шаданакаром, и есть составляющие сознания, вернее, сознаний Земли – и никакого белкового тела. У этого сознания и системы тонкоэнергетических структур есть свои точки сборки в определенных местах Земли именно физической, геологической Земли локализованы. Одна из них здесь, неподалеку, а о других ничего не могу сказать, это не по моей ведомости. И свойство этой точки сборки таково, что она наблюдаема со всех пространств Шаданакара: откуда ни посмотри, ее можно видеть, она как бы пронизывает все пространства, а их больше двухсот. Понятно, если эту точку определенным образом двинуть, то и все пространства, а с ними и времена сдвинутся, и начнется непредсказуемый процесс – Землю начнет глючить...

– Это в каком смысле?

– А в том же, как у человека, с той лишь разницей, что глюки Земли материальны, то есть найдут свое воплощение в каких-нибудь непредсказуемых формах. Каких? Я даже загадывать боюсь.

– Это ты-то боишься, – усмехнулся Андрей, – главный специалист по глюкам?

– Ну, так мой масштаб человеческого плана, сам понимаешь, глюки Земли с человеческими несоизмеримы, как несоизмеримы последствия – для той же самой Земли. А уж какими последствиями для вас, людей, и нас, природных стихий, это обернуться может – об этом и подумать жутко.

– Да уж, – сказал Андрей, – небось какой-нибудь Апокалипсис, всемирный потоп. Кстати, Блаватская пишет, что Апокалипсис уже четыре раза был, и каждый раз после этого человеческая раса сменялась. Жутковатая перспектива... может ты под глюками Земли именно это понимаешь? Другое мне как-то в голову не идет.

– Не совсем, – сказал Мескалиныч, – но потопами все это, как правило и заканчивается – чтобы радикально решить проблему и избавиться от виновников. Иногда, правда, в истории Земли этого удавалось избежать, и лечение проводилось другими, терапевтическими, что ли, методами. Но Апокалипсисам предшествовали именно глюки, и каждый раз – различные, какие – мне не ведомо.

– Да, – сказал Андрей, – невеселая картина вырисовывается. Ладно, надеюсь, что если Землю заглохнет, как ты выражаешься, то тут уж ни ты, ни тем более я ничего поделывать не сможем. Остается надеяться, что это произойдет не в ближайшем будущем. Отчасти из твоих объяснений стало понятно, что за чертовщина в здешних краях творится, и что это за окна такие. Наверное и бабочки, которые в фигуру великана выстроились – мы недавно это явление наблюдали – тоже к этим окнам и к этой точке сборки отношение имеют. Хотя, не понятно, кто это устраивает, с какой целью и, главное, что мне теперь дальше делать. В настоящее время меня судьба ребят больше всего беспокоит. Ты сказал, что они умерли только в пространственно-причинном континууме этой зоны, а за ней они как бы живы здоровы? И что они там делают?

– А ничего, идут себе преспокойно...

– Как это, идут преспокойненько, они же в зону должны давно войти, тем более там их астралы запутались.

– А весь фокус в том, что для тебя – раз уж ты сюда пропущен – время в тысячи раз ускорилось, поэтому, пока мы тут с тобой уже пару часов беседуем, они и сотой шага сделать не успели...

– Надо же, – поразился Андрей, – как это мне в голову не пришло! Я ведь с чем-то подобным встречался не так давно, тогда время тоже для внешнего мира остановилась. Но мне казалось, что эта остановка связана была с моей личной историей... А их астральные тела как же? Они же их тела покинули.

– Да это тебе показалось, это с твоей точки зрения покинули, в астрале время размазано, а с их точки зрения – ни хрена не покинули. Все, друг мой согласно Эйнштейну...

– Надо же, – сказал Андрей, – выходит, я не случайно незадолго до этого феномен черной дыры вспоминал, там тоже нечто подобное должно происходить, если туда космический корабль начнет падать – там время как бы остановится. И здесь, значит, то же самое? А что, если я назад выберусь, то я ребят застану почти в том самом мгновении, в котором я их оставил? Хотя нечто подобное со мной уже приключалось. Кстати, а ты сможешь мне отсюда выбраться? Задача спасения мира – сам понимаешь – не в моей компетенции, будем надеяться, что это чисто местная аномалия, и конец света еще не скоро – надеюсь его не увидеть. Мне же сейчас, после нашей встречи идти вперед расхотелось. Ясно, что там впереди какая-то точка сборки находится, хотя мы рассчитывали место выхода тоннеля Нуль транспортировки обнаружить, а туда, как я понял, ни одному смертному ходить не положено. Так что мне, наверное, выбираться отсюда время пришло. Правда теперь я уже совершенно потерял ориентировку среди этих дурацких глючных водорослей. Где «вперед», где «назад» – не ясно. И даже, если я найду, где «назад» – вдруг оттуда не выйти просто так. Ты уж проводи меня, будь добр, а то, боюсь, как бы мне к тебе возвращаться не пришлось.

– Я тебя, конечно, задерживать не в праве, – сказал Мескалиныч, – тем более, раз ты сюда вошел, да еще без всякой наркоты, я над тобой власти не имею, но у меня к тебе маленькая просьба. Смешно конечно – я, да с какой-то там просьбой – да любой торчок любое мое указание безо всякой просьбы выполнил бы – причем я никоим образом на его свободу воли не замахивался бы – у него самого возникло бы желание, какое мне угодно – просто по принципу резонанса и той наркотической зависимости, которая ему по Карме отпущена. Но тебя я прошу, тем более, тебе это особого труда не составит.

– Ну, и что ты хочешь? – Посмотрел на него Андрей с сомнением. – Учти, ничего подозрительного я делать не буду, меня уже не раз заманивали во всякие ловушки. Куча времени и сил на это уходит, а мне еще ребят выручать надо.

– Ничего тебе их выручать не надо, все идет, как идет – просто вернешься, а они даже шага сделать с момента твоего исчезновения не успеют. Но сначала просьба...

– Ну, давай свою просьбу, но смотри, я человек бывалый – почувствую, если ты что задумал.

– Хочу хоть не надолго в свой бывший слой вернуться, к прежнему состоянию. Понятно, тут только кратковременный экскурс возможен, но хоть так. Ничего страшного за это время тут без меня не произойдет.

– Ну, и возвращайся, хоть навсегда, я то тут причем?

– Понимаешь, – развел сразу удлинившимися в несколько раз руками Мескалиныч, – как говорят – и рад бы в Рай, да грехи не пускают. Мне без провожатого туда путь заказан. Думаешь, если бы я мог туда свободно перемещаться – торчал бы я тут среди этой галимой галлюциноторной хрени?

– Хорошо, – сказал Андрей, – понятно, иначе какой смысл в разжаловании, но я-то чем могу помочь? Я не Господь Бог, как я могу тебя туда переправить?

– Ты не Господь Бог, – терпеливо начал разъяснять Мескалиныч, отчего его шея удлинилась вдвое и, очевидно не справляясь я тяжестью головы, по-дурацки свесилась на «испанский

воротник», – но ты можешь быть проводником, у тебя есть необходимый для этого творческий потенциал, я это сразу понял, когда ты свои стихи прочитал.

– Допустим, – продолжал сомневаться Андрей, – я тебя отправлю, хоть и не знаю, как это делать – а потом, как я без тебя буду выбираться?

– Да, не беспокойся ты, никто тебя обманывать не собирается. Во-первых, я долго там все равно не смогу удержаться – энергия быстро закончится, а ты в астрале больше положенного времени тоже не удержишься. Да и потом, мы же туда с тобой вместе слетаем – правда ты в астральном теле – и я от тебя сбежать не смогу. Да, и зачем мне, я, если захочу, и сейчас от тебя смыться сумею, в моем глючном слое затеряться проще простого – сто лет днем с огнем не найдешь.

– Ладно, уговорил, – сказал Андрей, – мне тоже интересно в этот слой слетать. Правда, в подобном слое мне уже доводилось бывать, но я так понимаю: если в прошлый раз это место напоминало сюжет моего стихотворения, то теперь оно может совсем по-другому выглядеть... так что я делать-то должен?

– Да, очень просто! Войди в замок Вечности и сымпровизируй стихотворение, какое на ум там придет.

– А где здесь замок Вечности?

– Как где, еще не понял? Вот этот сюрреалистический гриб и есть.

– Ах, да, – сообразил Андрей, – забыл, что он может в каждом слое по-разному выглядеть. И правда, для глючного слоя – лучше не придумаешь. Вот только насчет импровизации – я уж не знаю, что у меня получится, я при тебе впервые сымпровизировал, где гарантия, что сумею снова.

– Да ты не бойся, здесь получится, здесь все способности – даже те, что в тебе глубоко запрятаны, обостряются. Конечно, если бы этого дара в тебе в принципе не было – тогда бесполезно и напрягаться, никакой глючный слой не поможет.

– И на какую тему я должен импровизировать? – Все продолжал сомневаться Андрей. – Учти, про Кощея Бессмертного у меня вряд ли получится. Ты уж извини, меня этот образ как-то никогда не вдохновлял, а русские народные сказки мне мама последний раз лет в семь читала.

– Да, и не надо про Кощея, ничего вдохновенного на эту тему у тебя все равно не получится, а надо, чтоб вдохновенно. Тема принципиального значения не имеет, но лучше, чтобы что-нибудь психоделическое, это будет созвучно моему нынешнему слою, а вдохновенность проложит мостик в творческую сакуаллу. Кстати, местность в духе Кощея Бессмертного мы уже там, если захотим, сформируем.

– Ладно, заметано, – сказал Андрей, – только объясни, как в этот гриб забраться... и все же, ты так и не рассказал, почему ты из Кощея Бессмертного в Мескалиныча превратился, кто тебя разжаловал?

– Да никто конкретно не разжаловал, просто поддержка ушла и трансформировался в ту сущность, к которой уже раньше тенденция была. Я ведь и Кошеем Бессмертным всякие зелья поглощал, как мне по сюжету положено. Всякие там напитки бессмертия – а это все наркота в чистом виде, правда, естественно, астральная.

– А что за поддержка такая? – Не понял Андрей.

– Покуда в народе мой образ был популярен, покуда все новые и новые безвестные авторы подпитывали его идеями, я в этом творческом слое пребывал, и горя не знал. Вернее знал, но в той мере, в какой это было в сценарии обозначено. К сожалению, я сейчас плохо помню, что там происходило, попав сюда, я утратил большую часть воспоминаний, осталась только куца схема. Итак, прошли годы и мой образ стал терять свою злободневность, люди все меньше и меньше мной интересовались, а в последнее время русские народные сказки вообще почти никто не читает. Даже дети. Сейчас куда большим почетом пользуется какой-нибудь

летающий лох Карлсон или медоман Вини Пух. В один прекрасный день энергии, которая формировала мой образ за счет человеческих эманаций, стало катастрофически мало, а поскольку моя советница и лекарь Баба Яга постоянно поила меня настойкой из мухоморов и прочих растительных галлюциногенов, то я рухнул в зону природных стихий, а точнее – в саку-аллу растительных галлюциногенов этой зоны. В скором времени как раз началась психоделическая революция, поэтому я, помимо шаманов, колдунов и прочих народных целителей, стал общаться со всякими цивилизованными торчками, которые основательно пополнили мой словарный запас, и я со старославянского перешел на арго. Ну вот, а недавно меня подловил шаман Силавун, а для чего – я тебе уже рассказывал.

– А как же он тебя подловил? – Поинтересовался Андрей.

– Да, очень просто. Когда я одной группе духарей, обожравшихся грибами, которые на берегу Телецкого озера шмонялись, обеспечивал глюкалы с водной тематикой – близость озера что ли тематику навеяло – Силавун незаметно в наше глючное пространство проник и раскинул там сети. А поскольку я на тот момент был рыбой с зонтиком, то в эти сети и угодил. А дальше – дело техники, их брат, шаман, обучен, как нашего брата на себя пахать заставить. А впрочем, я уже не ропщу, вахта, которую я здесь несую очень важная.

– Да, занятная история, – сказал Андрей, – так как мне внутрь этого супер-глюко-мухомора попасть?

– Да там ящичек выдвижной должен быть, ты его выдвини и забирайся туда, а дальше автоматом все произойдет.

– А получится ли, – засомневался Андрей, – я ведь не в астральном теле нахожусь.

– Да ты не заморачивайся, – махнул на него рукой Мескалиныч, – здесь же особое пространство. Торчки тоже шанить или трескаться в обычном своем теле начинают, тем не менее, их потом Бог знает куда заносит.

Андрей походил вокруг основания гигантского гриба, затем обнаружил плотно задвинутый ящичек и неуверенно подергал за ручку в виде маленького сморщенного гриба.

– Чего-то не вытаскивается. – Вопросительно посмотрел он на Мескалиныча.

– Ну, ты тормоз, – недовольно пробормотал Мескалиныч, затем его ноги удлинились, и он срыгнул с края ящика, словно на пружинках. Когда его ноги после длительного раскачивания вверх-вниз более менее приняли нормальные размеры, он подошел к Андрею. (Роста он оказался высокого, но, очевидно сохранив наследие своего славного прошлого, был худ, словно человек в последней стадии кахексии). Мескалиныч деловито подергал за ручку ящика, затем попробовал приподнять вверх, чтобы затем вытащить, как это часто бывает в шкафах отечественного производства, но ящик, хоть и довольно свободно ходил на пазах вверх-вниз, тем не менее явно застрял и не хотел выдвигаться.

– Вот блин, заржавело, – пробормотал он озабоченно, затем достал из джинсовой куртки пузырек с надписью «Конопляное масло», вылил в щель ящика, после чего благополучно его выдвинул.

– Полезай, – сказал он Андрею, – а я рядом сяду.

Они забрались, с трудом поместившись, в ящик, причем Андрей явственно ощущал материальную отчетливость Мескалиныча, к тому же от него так разило диким коктейлем лекарственных трав и снадобий, что у Андрея закружилась голова и возникло приподнято-возбужденное настроение, которое у него, как правило, появлялось непосредственно перед тем, как приходили стихи.

– Теперь задвигай что-нибудь психоделическое, – сдавленно пробормотал Мескалиныч, – тогда ящик, словно вагонетка доставит нас куда требуется.

– Объем имеет значение? – Спросил Андрей. Стихи уже рвались из его груди, хоть он пока еще даже не знал, о чем они будут.

– Главное, чтобы они были вдохновенными, а объем тогда сам себя определит. – Сказал Мескалиныч и приготовился слушать. И Андрея поперло, хоть еще минуту назад он даже не представлял, о чем будет сочинять, но так же как перед встречей с Мескалинычем, стихи полились из него совершенно естественно, и хоть и не имели прямого отношения к той обстановке, в которой очутился Андрей, были достаточно психоделическими.

ГОРОД

Я брел по видимости города
И постигал его невидимость,
Пытаясь, словно фалды полога
Оттенки давнего нанизывать.

Я раздвигал пласты истории
И, веря в вечную изменчивость,
Глядел, как внешним знакам вторили,
Стремилась обрести очерченность,
Сливаясь из клочков туманного
Строений мертвенные призраки,
Как перекраивались заново
И, словно мыльные пузырьки,
Бесшумно множились и лопались,
Напоминая о текучести,
Лачуги, храмы и некрополи,
Скорбя о незавидной участи.

Они вторгались в область зримого
Из тьмы веков и дня недавнего,
Их словно прошлое не приняло,
А настоящее *задалило*.
Они, не признанные, высились
И через них сквозили площади,
Они пугали строем виселиц
И успокаивали рощами.

Но в мире ветреном и солнечном,
Где до заката дремлет мистика
В своем обличье мгlisto-облачном
Лишь мне показывались изредка.

Так строки вех сиюминутности
Слагались в манускрипты вечности,
Где форма – временные трудности
И только Дух – оплот нетленности.

Наверное, стихи его действительно произвели впечатление где-то там наверху (знать бы на кого), поскольку сразу после того, как Андрей прочитал последние строки, ящичек въехал внутрь гриба (сидящие там еле успели пригнуть головы – вернее, пригнул Андрей, а Мескалиныч просто сморщился, укоротившись в два раза).

– Поехали! – Крикнул Мескалиныч, – и ящик, превратившись толи в вагонетку, толи в салазки, помчался с огромной скоростью.

ГЛАВА 2. Два города

Сначала была полная темнота, и о том, что ящик продолжает движение, можно было судить только по тошнотворному чувству падения куда-то вперед. Причем никакого ветра в лицо, никакого потряхивания Андрей не чувствовал, из чего заключил, что полет скорее всего астральный, хотя никаких изменений сознания он не отметил. Вскоре движение, а вернее ощущение падения пошло резко вверх и Андрей увидел перед собой черное плоское, хорошо знакомое ему астральное небо, покрытое туманностями и россыпью звезд без знакомых созвездий, и подозрение Андрея насчет того, что его астральное тело незаметно покинуло плотное, переросло в уверенность. В следующее мгновение невидимая вагонетка прошила темную перегородку и тут же из темноты выехала в свет – утренний, туманный, слегка опалесцирующий. Андрей увидел, что они катятся по какой-то странно извивающийся монорельсовой дороге, висящей неведомо каким образом прямо в воздухе, и из-за тумана невозможно было разглядеть к чему она прикреплена (и прикреплена ли вообще). Тем не менее туман висел только на уровне монорельса и выше, а панорама развернувшаяся внизу хорошо просматривалась. Казалось полет (а вернее воздушная поездка) происходил над городом в котором Андрей узнал свою бывшую родину – Ленинград, причем высота, наверное, соответствовала низкому полету на вертолете – не над самыми крышами, но так, что каждое здание было видно как на ладони. Вскоре Андрей узнал и район, где они пролетали – это был хорошо знакомый ему Петербург Достоевского, то есть район Сенной площади, Фонтанки, канала Грибоедова и Крюкова канала – как раз те места, где Андрей накручивал километры своих одиноких прогулок. Именно там среди яви с ним произошли первые мистические видения, именно эти места неведомо почему наиболее глубоко проникли в его душу, при воспоминаниях о которых он испытывал щемящую ностальгию. Но это не был обычный полет над реальным городом. Ландшафт словно бы имел множество слоев, просвечивающих один сквозь другой на разных уровнях высоты, словно нечто воображаемое сквозило через реальное, или разные исторические периоды, этапы строительства и переустройства стали такой же видимой реальностью, как и настоящее. Андрей видел, как сквозь обветшавшие и облупленные здания Большой и Малой Подъяческих, являвшие собой печальное настоящее сквозили такие же, но новенькие, только построенные, как обновлялись набережные и ограды, модели древние тополя. Но все это было только эпизодом: сквозь обновленный и ухоженный район Санкт-Петербурга уже виделись какие-то другие, по большей части бревенчатые здания с высокими заборами и подсобными пристройками для содержания животных – и это можно сказать в двух шагах от современного центра Санкт-Петербурга. А через этот слой уже был виден совсем сельский ландшафт с редкими убогими рыбацкими лачугами, деревянными лодками на каналах, лишенных всяких набережных и сетями наброшенными на тесовые заборы. И все это на фоне чахлах лесных островков посреди болотистой местности.

«Странно, – подумал Андрей, – по идее мы должны были попасть в какой-то особый слой, являющий собой кульминацию творческого полета – литературную или художественную, а тут явно прошлое и настоящее Ленинграда, существующее послойно и одновременно. Хотя это вполне созвучно моим стихам, правда я вроде бы и не Ленинград имел в виду, а видел перед собой какой-то воображаемый, фантастический город».

Словно подтверждая его мысли на устойчивую картину современного города и его отдаленных проекций стали наплывать городские ландшафты вроде бы не имеющие отношения к Ленинграду и Санкт-Петербургу. Это были виды на знаменитые архитектурные комплексы иных городов, и если бы Андрей в свое время путешествовал по Европе, он без труда узнал бы и Сикстинскую капеллу, и Лувр и Нотр Дам и Версаль и Парфенон, словно воображение какого-нибудь Росси, Кваренги или Монферана во всем многообразии вкусов, стилей

и пристрастий материализовались и наложились на их рукотворные детища. Этот второй, мнимый план ни на секунду не оставался в покое – одни наложения становились более яркими, другие угасали, неизменным оставался только первый план – вид современного города знакомый Андрею.

Виды наплывали один за другим, картины прошлого сменялись картинами, порожденными чьим-то воображением, и вот уже Европейские Барокко и Готика уступали мечтам и минаретам средневекового Багдада, чтобы через минуту уступить место какой-нибудь древнеславянской берендейщине с теремами, шатрами и петушками на кровле. Весь этот скomorошный задний план, казалось, не имел никакого отношения ни к настоящему, ни к прошлому Санкт-Петербурга, и Андрей хотел спросить об этом Мескалиныча, для чего повернулся назад, но к его удивлению заднее сидение пустовало и было совершенно не понятно, остался ли он в своем галлюцинаторном слое, толи покинул вагонетку уже где-то над мифологическим Санкт-Петербургом.

– Вот ведь, зараза наркоманская! – Вслух выругался Андрей. – Как теперь обратно выбираться и где его искать? Хотя, не исключено, что он остался там, где был – то есть я не оправдал его надежд. А может каждый попал, куда хотел: он в свое тридевятое царство, я – в какой-то фантастический Санкт-Петербург. Возможно, в глубине души я всегда хотел туда вернуться, ведь места, где провел свою юность навсегда остаются самыми дорогими для человека. Правда мы с этим Мескалинычем садились в один и тот же ящик, но ведь это все сплошная видимость и причудливая игра форм: он каким-то образом очутился в своей вагонетке, я – в своей. Интересно, а почему небесный монорельс как раз над моим любимым маршрутом проложен? Хотя, что ж тут удивительного? Мои ностальгические воспоминания как раз здесь и материализованы.

И действительно, вагонетка опустилась еще ниже, сейчас она двигалась над Мойкой – любимым маршрутом Андрея и вскоре поравнялась с мрачным заброшенным зданием, на острове Новая Голландия, где Андрея посетило видение черного магистра, которое чуть не заманило его прямо в холодную весеннюю воду.

«Здесь все начиналось, – подумал Андрей, – хотя, не здесь, раньше, в Трускавце. Интересно, если бы всего этого не произошло, где бы я сейчас был и чем занимался? Небось, не было бы в моей жизни ни Маркелова, ни Балашова, ни Лианы, ни летаргического сна, и работал бы сейчас каким-нибудь участковым терапевтом в районной поликлинике, жизнь была бы скучна и предсказуема, никаких тебе астралов, никаких черных магистров, никаких мировых диктаторов и концов света. И Ленка, наверное, была бы жива. Интересно, как бы она выглядела в тридцать лет? Небось, растолстела бы, как бомба, и пару спиногрызов мне родила»...

Тут его ностальгические мысли были прерваны самым неожиданным образом, поскольку доселе полное безлюдье города нарушилось самым неожиданным образом. В высоком полуогнившем заборе, окружавшем памятное здание и обрывавшемся прямо в воду открылась дверца. Андрей был готов поклясться, что раньше никакой дверцы в этом заборе не существовало, да и зачем она была здесь нужна, если забор обрывался прямо в воду? Тем не менее, дверца открылась (Андрей проплывал в своей вагонетке очень медленно на высоте 10 – 12 метров) и из нее вышли и преспокойно вступили прямо на гладь канала, несколько не погрузившись в воду, два человека. Один – взрослый в черном монашеском плаще с капюшоном, изпод которого почти не видно было лица, и второй – ребенок в клетчатой ковбойке с короткими рукавами и серых шортиках. В этих двух Андрей без труда узнал черного магистра и самого себя лет десяти. И снова, как при их последней встрече, Андрей увидел в руках мальчика круглый предмет – как он полагал – некую миниатюрную копию Меркабы, правда разглядеть, действительно ли это она – было невозможно.

«А Галке-то не привиделось, – мелькнуло в голове Андрея. – Выходит, они все же встретились!»!

В этот момент человек в капюшоне поднял голову и несомненно увидел Андрея, что-то тихо сказав на ухо мальчику, указывая в сторону нашего героя пальцем. Мальчик тоже поднял голову и с интересом взглянул на своего проплывающего над головой двойника – и хотя выражение лица его с такой высоты было трудно разглядеть, Андрею показалось, что мальчик как-то нехорошо улыбнулся. Затем он направил в сторону Андрея блестящий предмет и как-то поособому повернул его другой рукой, как крутят кубик Рубика.

Непонятно, чего он хотел добиться, но от этого движения вагонетку швырнуло куда-то в сторону и вверх, словно какая-то неведомая сила изогнула монорельсовую дорогу под углом в 90 градусов. Когда после встряски Андрей пришел в себя, то увидел, что снова проплывает на высоте 12—15 этажного дома, склад и неожиданные знакомые скрылись из глаз, и как раз под ним находится Нева и знаменитый медный всадник. И еще, Андрею показалось, что до его слуха донесся недовольный возглас черного магистра: «Ну что ж ты, опять перелет».

Не успел Андрей предаться размышлениям по поводу увиденного, как в пространстве развернулась метаморфоза, и это странное явление (хотя все, с чем сталкивался Андрей в последнее время можно было назвать странным) приблизительно состояло в следующем.

Все началось с того, что буквально на секунду вокруг медного всадника возникла прозрачно-зеркальная штука – чрезвычайно сложный многогранник, в котором Андрей, правда не без труда узнал Меркабу, в недра которой он погружался несколько дней назад, но гораздо меньших размеров, поэтому содержание граней-ячеек было невозможно разглядеть. Затем внутри Меркабы произошло движение – какие-то ячейки переместились, какие-то совместились, Меркаба лопнула и бесчисленное количество ячеек сформировали что-то вроде смерча вокруг медного всадника, при этом Андрей был уверен, что каждая ячейка содержит элемент какого-то события, возможно каким-то образом связанного с жизнью Андрея, хотя разглядеть это было невозможно.

Дальнейшие события развивались со стремительной быстротой. Город, такой цельный и устойчивый, правда не совсем реальный в силу наплывающих картинок, вдруг стал втягиваться в этот смерч, предварительно дробясь на аналогичные ячейки, тая, словно сахар в кипятке. Картина, развернувшаяся под Андреем, была поистине Апокалиптическая, реальность исчезала прямо на глазах, но как ни странно, эта глобальная катастрофа никак не затронула Андрея – он не почувствовал даже ветерка и вагонетку даже не качнуло, словно ее окружало невидимое, но мощное защитное поле.

Тем временем вихрь, возникший из Меркабы вокруг Медного Всадника, которого уже совсем не было видно, чудовищно разрастался, параллельно тому как город таял – и не удивительно, ведь он втягивал в себя всю его материальность, распавшуюся на ячейки. Вскоре города не существовало.

Андрей толи двигался, толи стоял на своем монорельсе, протянувшимся из бесконечности в бесконечность посреди бескрайнего черного космоса, а под ним бешено вращался огромный смерч, состоящий из бесчисленного количества ячеек-осколков.

Вскоре внутри смерча возникло нечто вроде разделения, словно посреди одного движения сформировалось другое, противоположное – затем смерч разделился на два языка: светлый, сияющий, вращающийся по часовой стрелке и темный, зловещий, закручивающийся в противоположную. В дальнейшем метаморфоза проходила по следующей схеме. Движение в темном и светлом смерчах постепенно замедлилось, смерчи начали втягиваться внутрь собственных воронок и вскоре превратились в две огромные Меркабы – светлую и темную, затем они лопнули, разлетелись на мириады ячеек, и процесс развернулся в обратном порядке. Ячейки разлетелись в разные стороны, сформировав две плоскости, из которых начали выстраиваться два города, два Санкт-Петербурга, где каждый был в чем-то копией другого, а в чем-то противоположностью, как два полюса магнита, и Андрей скользил на своем монорельсе между этих полюсов, проплывая над самыми крышами как у того, так и у другого. При этом,

когда он рассматривал особенности того или другого города – как он их условно обозначил – «супер» и «квази», возникало ощущение, что он смотрит на поверхность воды, в которой отражен реальный город. Когда же он оборачивал голову в сторону другого Санкт-Петербурга, то оказывалось, что и этот выглядит, как отражение, но выглядит прямо противоположно, хоть и повторяет архитектурные пропорции и особенности другого. С одной стороны ему казалось, что он может буквально дотянуться до очередной крыши, а с другой стороны, что оба города находятся в недостижимой глубине отраженного изображения.

В чем же было сходство этих городов? Прежде всего в том, что в обоих узнавался современный Ленинград, хорошо знакомый Андрею. В чем различие? А вот этого необходимо коснуться подробнее. Общая подсветка обоих городов была совершенно противоположной и тот, что возник из левостороннего вихря, вращающегося также в левую сторону, был погружен в глубокие сумерки с каким-то лилово-красноватым оттенком, но несмотря на это, как нередко бывает в астрале, все здания и предметы казались хорошо различимыми. Андрей подумал о том, что вид этого левостороннего города во многом схож с Антимосквой, где ему уже довелось бывать: город просто давил какой-то невообразимой тяжестью, которая, казалось, просто разливалась в его атмосфере. Все здания были словно бы выполнены из серого свинца, от них веяло какой-то безнадежностью, и держалось ощущение, что в атмосфере просто разлит неслышимый крик. Все формы зданий и архитектурных ансамблей хоть и напоминали в целом подлинники, но были выполнены из разнообразных многогранников, словно художник кубист изобразил Санкт-Петербург в своей оригинальной манере. Присмотревшись внимательнее, Андрей выявил еще одно отличие от реального Ленинграда. Здесь не существовало новостроек, присутствовала только историческая, центральная часть города, и весь он был обнесен, как и Антимосква, крепостной стеной. В городе царило мрачное безлюдье, все здания глядели на Андрея темными пустыми глазницами окон, и только комплекс Петропавловской крепости и Зимний дворец поблескивали тусклыми красноватыми окнами. Было даже не ясно толи это свет изнутри, толи подсветка, хотя не существовало ни Солнца ни Луны, и над городом горели три мощных факела – над Ростральными колоннами и над шпилем Петропавловской крепости, где положено располагаться кресту.

Тут Андрей услышал глухой лязг огромных копыт и увидел первое оживленное существо (вернее – двигающееся, поскольку оживший памятник трудно вписывался в понятие «одушевленный»). Оказалось, что постамент детища Монферана опустел и над городом, слегка задевая крыши копытами, скачет, приближаясь, громадный всадник. Правда, когда он приблизился, оказалось, что этот радикально отличается от памятника Петру первому. Андрея настигал средневековый рыцарь, облаченный в глухие доспехи, полностью скрывающие его фигуру и лицо. Подобным образом был экипирован и могучий конь, так что если бы не пустой постамент и не события, развивающиеся именно вокруг знаменитого символа Санкт-Петербурга, Андрей вполне мог принять этот памятник за аналогичный, сошедший с постамента где-нибудь в Стокгольме или Праге. Впрочем, несмотря на изменившуюся экипировку какое-то неуловимое сходство с Медным всадником все же оставалось. Памятник медленно приближался к Андрею и тот, поскольку никакого управляющего устройства его вагонетка не имела, не мог ничего предпринять, чтобы избежать зловещей встречи, хотя приближение медного гиганта не предвещала ничего хорошего. Вагонетка катила теперь слишком медленно, а всадник скакал как раз наперерез, и Андрею показалось, что он уже сжал рукоятку огромного меча и слегка вытянул его из ножен. Андрей замер в растерянности, не зная, что предпринять. С одной стороны он помнил, что в астрале, какие бы угрожающие события не происходили, на проверку оказывались обычными страшилками, и он, в очередной раз перепугавшись, оказывался в безопасности. С другой стороны, сидеть в вагонетке, ничего не предпринимая тоже казалось не разумным. Андрей подумал, что может лучше выскочить из вагонетки, если встреча окажется неминуемой, но с другой стороны, где он окажется, выпрыгнув из своего

транспортного средства? Повиснет в пустоте астрального космоса или приземлится в одном из городов по левую или по правую его сторону? Разбиться он не боялся, он прекрасно понимал, что находится в иной реальности. Весь вопрос состоял в том, какой город притянет: темный, зловещий, по крышам которого скачет закованный в латы всадник, и кто знает, может и дальше будет преследовать его, словно несчастного Евгения из поэмы Пушкина, или тот, по правую руку, который мы пока умышленно не описали. Андрей замешкался, и это избавило его от необходимости принимать решение. Последний десяток метров всадник преодолел слишком быстро и, как и боялся того Андрей, выхватил меч из ножен и обрушил его – вернее постарался обрушить – на вагонетку (чудище было как раз размером с реального Медного всадника), но в последний момент Андрей успел заметить, что навстречу ему рванулся меч, словно бы сделанный из хрусталя. Оба меча встретились над головой Андрея – при этом не возникло страшного удара, который должен был прогреметь при встрече столь огромных клинков, они просто беззвучно соприкоснулись и разошлись, и только тогда Андрей увидел, что по правую руку от него находится белый всадник в сияющих доспехах, вылепленный толи из света, толи из туманного хрусталя. Тут Андрей понял, что никакого удара и не могло произойти, поскольку это только два отражения на поверхности воды, каким-то образом являющие противоположность друг другу, свели свои клинки над головой Андрея, который непонятным образом вклинился между двумя отражениями. Единственное, чем сопровождалось столкновение двух мечей, вернее отражений – это рябь, пробежавшая по обоим Санкт-Петербургам. Вслед за рябью темный Санкт-Петербург лопнул, словно зеркало на мириады осколков – из которых он, собственно и возник, а затем процесс пошел в обратную сторону: из осколков сформировался левосторонний смерч, который стал удаляться и вскоре скрылся из глаз.

Светлый город, несмотря на сильную рябь, устоял, правда белый всадник исчез тогда же, когда разлетелся вдребезги темный город, и Андрей не успел заметить, как это произошло – возможно всадник просто скрылся за ближайшими домами.

Вагонетка Андрея, как ни в чем небывало продолжила свой неспешный бег по моно-рельсу над крышами светлого Санкт-Петербурга, и Андрей погрузился в созерцание его великолепия. Вскоре он впал в романтическое состояние юных грез. Как и его мрачный прототип, белый город с одной стороны был узнаваем, как Санкт-Петербург, но с другой стороны был чем-то совсем иным. Постараемся его описать, хотя адекватного описания все равно не получится, поскольку это был не только город-образ, но и город-состояние. Если же откинуть все не воспроизводимые детали, то состояние это можно было охарактеризовать, как «Белая ночь в Лисе» – вернее – 2—3 часа утра. Почему именно таким образом? Ведь Грин ни в одном из своих произведений не дал подробного описания этого, существующего только в его воображении (или в другом измерении) города? Тем не менее было ясно, что он подразумевал южный портовый город, что-нибудь вроде Феодосии, где провел последние годы своей жизни. Этот факт никак не вязался ни с Петербургом, ни с белыми ночами, и тем не менее какую-то непонятную связь обоих городов Андрей чувствовал всегда, особенно в дни белых ночей. В эту пору особого юного томления Андрею всегда хотелось назвать Ленинград каким-нибудь Гриновским названием. Возможно подобное чувство охватывало всех ленинградцев, ведь не случайно только в Ленинграде праздник школьных выпускников с обязательным всенощным гулянием называется «Алые паруса». А водные театрализованные представления на Неве, когда парусники, подсвеченные розовыми прожекторами пускают из брансбойтов высоченные фонтаны, и за ними на водных лыжах стремительно несется Фрези Грант! И все же, если бы всего этого праздника, сопровождающегося сутолокой и пьяным угаром вовсе не было, атмосфера «Алых парусов» все равно сохранилась бы.

Андрей прекрасно помнил то щемящее чувство сказки, которое перехватывало его горло восторгом, когда после окончания восьмого класса он со школьными приятелями бродил по булыжной мостовой Петропавловской крепости сквозь романтическую атмосферу 19-го

века. Как остро переживалось ожидание того, что сейчас небо опустится на землю, что еще мгновение – и воздух расцветет радужной пылью и прямо над крышами помчатся дымчатые праздничные экипажи, будут сновать забавные господа в сюртуках и цилиндрах и роскошные дамы в длинных юбках и чепцах, а вокруг разольется простенькая мелодия колокольчиков из музыкальной табакерки. Стоит только, находясь у основания Петропавловки, задрать голову и взглянуть в ее 80 метровый золоченый шпиль. То есть нечто подобное тому, чем развлекался летающий Друд из Гриновского «Блистающего мира».

Что еще сказать? Вроде бы город как город, такой же пустынный, как его темно-свинцовый антипод, но здания его казались вылепленными из густого тумана и держалось ощущение, что еще миг и они толи взлетят вверх, толи растворятся. Хоть Андрей не заметил ни одного явного движения в городе, его не отпускало чувство, что все здания живут, двигаются, но стоит только на нем зафиксировать внимание, как оно застывает, словно в детской игре «Море волнуется – раз». То же самое и со слухом: Андрею все время чудился многоголосый шепоток, смешки, шажки, испаривания, но стоило прислушаться, как все пропадало. Словно беспокойный ребенок, посаженный делать уроки, который занимается чем угодно, но стоит войти родителям, он тут же начинает старательно выводить что-то в тетради, закусив язык от усердия. При этом, как мы уже упоминали, город казался отражением на зеркальной глади вод, и чудилось, стоит обернуться и вот он, настоящий – однако нет – сзади только пустота черного космоса.

Глядя на полу эфемерную панораму, Андрей вдруг осознал, что в его голове снова, независимо от сознания экспромтом складываются строки – вроде бы и о том, что видит, а вроде бы и о другом.

Было зябко и сонно и рано
И светился проспекта проем
В неподвижной завесе тумана
Бледных зданий застыл окоем.

Ночь, распавшись по швам на лоскутья,
Уползала в свой мраморный грот,
И набросил на тонкие прутья
Волны розовой марли восход.

Все, казалось, готово к показу,
Лишь развеять Гекаты вуаль,
Да промолвить волшебную фразу,
Например, про цветущий миндаль —
И откроются милые взору
Стрелка Невского, Зимний, Пассаж —
Лишь отдернуть потертую штору
За которой былого пейзаж...

Между тем пелена загустела,
Погружая картину в обман,
Смяв шоссе удлиненное тело,
Смыв прибежища спящих землян.

Вместо строгих кварталов проспекта
Очертился каньона провал,
Где возился бесформенный Некто

И поблескивал мутный канал.

Сны, что ночь в небытье уносило,
Вдруг восстали и хлынули прочь,
Словно утро придало им силы,
Хоть должно было в пыль истолочь.

И, как чары проказницы-феи,
Что резвятся в волшебном саду,
Беспокойные дети Морфея
Оседлали двойную гряду.

Но и хаос им быстро насучил —
Сколько ж можно в пятнашки играть?
Обернулись степенною тучей,
Что тарасилась из-за бугра.

И когда осозналась дорога
С чередой серебристых дворцов
Я открыл, что стою у порога,
За которым утрачу лицо...

На востоке приятно алело,
Город ждал кавалеров и дам...
Я когда-нибудь брэнное тело
Сдам ему. Только душу не сдам.

Не успел он произнести стихотворение, толи им придуманное, толи кем-то продиктованное в его сознании, как вагонетка резко пошла вниз и нырнула вглубь поверхности, на которой словно бы отражался город. В этот момент вагонетка с монорельсом исчезла, и Андрей понял, что падает уже по другую сторону отражения, где-то в районе горбатого мостика на канале Грибоедова. Наверное на мгновение Андрей потерял сознание, и последнее, что он услышал — но уже не в сознании, а кем-то произнесенное вслух:

Смотри, милый, звезда упала.

ГЛАВА 3. Город грез

«Погасла Мария» – почему-то именно эти Блоковские строчки звучали в голове Андрея, когда он снова начал приходить в сознание.

«Откуда это, – подумал наш герой, – ах да, они, наверное, со звездой связаны: звезда – Петербург – белая ночь – прекрасная незнакомка – вот и получился Блок. Кстати, а причем здесь прекрасная незнакомка? Ах да, я же ее голос перед тем, как сюда свалился, слышал. Кого-то мне этот голос напомнил... ладно, сейчас открою глаза и окажусь в тайге... и ребята рядом... наелся уже всякой астральщиной!»

Он открыл глаза – увы, никакой тайги! Судя по всему, астральное путешествие только набирало обороты. Хоть он и не помнил, как приземлился, и естественно не почувствовал удара, потеряв сознание в момент заныра в отражение, тем не менее поза его мало напоминала последствие падения. Оказалось, что он преспокойненько сидит на гранитных ступеньках недалеко от причудливого мостика, и мутные воды канала Грибоедова почти касаются его ног. Это место он хорошо знал: в двадцати минутах ходьбы от этого места Андрей когда-то жил, прежде чем переехал в Москву, и это место, поблизости от магазина «Океан», на углу Площади мира – бывшей Сенной, он частенько проходил во время своих одиноких прогулок вдоль каналов Ленинграда. А впрочем в том, что он оказался здесь, не было ничего удивительного (по крайней мере по сравнению со всем остальным, что здесь происходило), ведь он недавно проезжал на вагонетке именно над одним из своих маршрутов по Крюкову каналу, и если и сделал пару виражей, то очень незначительных.

Андрей огляделся. Все было и знакомо и незнакомо одновременно, как и во время его поездки над отражением города – по крайней мере на первый взгляд. Ближайшие здания за его спиной имели тот же вид, что и с высоты, они были призрачно белесые, словно вылепленные из тумана, и у Андрея держалось навязчивое ощущение, что это только какие-то макеты, прообразы домов. Вскоре он заметил еще одну странность: при пристальном взгляде внешний облик зданий некоторым образом менялся, правда мало заметно – то появлялся, то исчезал какой-то портик, то менялась конфигурация мансарды – и вообще, архитектурные детали казались очень текучими, как очевидно и положено зданию, слепленному из тумана. Кстати, туман, но не густой полностью окутывал город, и эту деталь Андрей почему-то не мог припомнить, проплывая сверху. Как мы сказали, этот внешний туман был легеньким и оставлял видимость примерно метров сто. Держалось ощущение очень раннего утра, по сути дела еще ночи – в районе трех часов, поэтому наличие тумана казалось вполне закономерным. И еще на что обратил внимание Андрей. И часть мостика, и набережная примерно в радиусе двадцати метров от него, выглядели вполне материально устойчиво и не казались вылепленными из тумана. Дальше контуры расплывались, становились зыбкими, призрачными и словно бы не устойчивыми в деталях. Его словно бы окружал ореол земной Петербургской материальности, за границей которой наступала постепенная «эфемеризация мира».

«Я вернулся в свой город, знакомый до слез,
До прожилков, до детских припухших желез»...

– вспомнились Андрею Мандаельштамовские строчки.

«Интересно, а где та, чей голос я слышал, кажется он мне знаком, – подумал Андрей, – и на ее милого интересно было бы посмотреть. Хотя, с чего я решил, что кого-то здесь увижу? Город при взгляде сверху казался безжизненным, да и вообще, какой же это город – так, туманный макет, очередная астральная обманка. Правда, если верить Мескалинчу, это какой-то особый, материализованный творческой энергией мир. Возможно, даже и моей. Неужели

у меня столько энергии, что целый город материализовался! Хотя, это не совсем правильно, это обоюдный процесс – наверняка он стимулирует мое творчество, а мое творчество стимулирует его материализацию. А вообще-то, как в парадоксе про курицу и яйцо – что первично, что вторично – не установить. Так, и что теперь делать, куда идти? Сходить что ли на Подъяческую, посмотреть, как в другом измерении мой бывший дом выглядит? Правда, скорее всего какой-нибудь обман получится, как обычно в астрале бывает, наверняка все это растворится, как только я захочу в свой дом зайти, или еще раньше. И все же, почему во мне такой странный коктейль чувств? Тут и ностальгия, и Гриновское Несбывшееся, и тоска, и сладость, и предчувствие первой любви, и ощущение, что стихи сейчас прямо потоком льются. Подумаешь, Ленинград, вот если бы я в каком-нибудь сказочном Китеже оказался, или в Дантовских Эмпиреях, или еще лучше в Нертисе или Фляорусе, о которых Даниил Андреев писал! Кстати, а свой собственный опыт забыл? Мир „И“ пожалуй, самое необычное, что только можно вообразить».

Андрей предался воспоминаниям своих прежних потусторонних блужданий, машинально вглядываясь в размытые контуры канала Грибоедова, как вдруг в дымке тумана увидел сначала бледное пятно света, а затем из этого пятна проступила густая продолговатая тень. Еще через полминуты можно было различить контуры длинной узкой ладьи и человека, стоящего на корме с темным шестом, который неспешно погружал в темные воды канала. Вскоре стало видно, что и лодочник и лодка полупрозрачные и тоже словно бы выполнены из густого тумана. Лодка выглядела как типичная венецианская гондола с богато украшенными бортами и сооружением вроде шатра, под которым могли разместиться 2—3 пассажира. Нос ее был причудливо закручен и на нем болтался допотопный кованый фонарь с тусклой свечкой внутри. Сам гондольер – вернее призрак гондольера тоже выглядел выходцем из 18 века – очень высокий, в припудренном завитом парике и треуголке, в расшитом камзоле и чулках – неестественным казался только огромный нос. Полупрозрачная гондола неспешно двигалась в направлении Андрея и примерно в двадцати метрах с ней и с гондольером произошла удивительная перемена: стоило пересечь невидимый барьер и из туманных призраков они превратились в плотных красочных прототипов. Камзол гондольера заблестел золотым шитьем, так, словно это был не бедный лодочник-перевозчик, а знатный господин. Лодка также сплошь сияла позолотой и причудливыми инкрустациями, словно предназначалась для отпрысков королевской семьи. Тут только Андрей понял, что огромный нос гондольера при почти полном отсутствии подбородка – это не лицо монстра, а обычная маскарадная маска Пульчинелла – средневекового итальянского Петрушки. Подобное лицо Андрей видел на одной иллюстрации к какому-то рассказу Гофмана из цикла «Фантазии в стиле Калло».

«Любопытно, – подумал Андрей, – причем здесь тогда Петербург и белые ночи? Хотя, с тем же успехом можно сказать, „причем здесь гондольер и маскарад“! Впрочем, если вдуматься, то маска его вполне уместна – всё здесь гигантская символическая маска, за которой скрывается какая-то неведомая реальность и высший смысл. Такое впечатление, что разыгрывается грандиозный спектакль, где я играю не последнюю роль. Знать бы, какую»...

Тем временем маскарадный гондольер причалил к последней ступеньке спуска и замер, не говоря ни слова, словно приглашая Андрея к занимательной прогулке по каналам туманного Санкт-Петербурга.

«Ага, – подумал Андрей, – как в названии песни «Приглашение к путешествию». Только все эти астральные приглашения превращались в очередную ловушку. Наверняка нечто подобное и сейчас предусмотрено. С другой стороны все эти испытания преодолимы и только помогают выяснить еще одну детальку в строении потустороннего мира. К тому же эта гондола должна привести к узлу каких-то событий, а то не ясно куда идти и что делать – город ведь пуст, по крайней мере с высоты пустым казался.

– Ну что, любезный, – уже вслух обратился он к гондольеру, – прокатиться приглашаешь? А какова такса? Какая у вас валюта в ходу? Небось ни рубли, ни баксы, или, если вы

действительно венецианский гондольер, то лиры затребуете? Хотя, если судить по прикиду, вы из восемнадцатого века пожаловали, а тут уж я вообще не в курсе, какая валюта в ту пору в Венеции ходила. Так вот, ни долларов, ни лир, ни тем более каких-нибудь пистолей или пиастров у меня с собой нету.

Собственно никакого внятного ответа Андрей и не собирался получить. Обычно существа астральных миров либо вообще ничего не отвечали, либо ответы давали невпопад, что свидетельствовало об их крайней ограниченности, за исключением, конечно, тех случаев, когда ему попадался кто-нибудь из Иерархии, наподобие черного магистра или Ио. По гондольеру же было видно, что он обычный функционер нижнего звена, и разговор Андрей повел скорее с самим собой, как мы иногда разговариваем с бессловесными животными. Как он и ожидал, ответ оказался несколько неадекватен:

– Сценарий, нужен сценарий!

– Сценарий? – Удивился Андрей. – При чем здесь сценарий! Здесь что, МХАТ или Ленфильм какой-нибудь? Ладно, ваш ответ мы расценим по-своему, возможно под этой фразой вы подразумевали нечто другое, но пока что я приму ваше приглашение и сяду в лодку. Будем считать, что это и есть начало какого-то неведомого сценария.

Он соскочил со ступеньки и уселся в беседку, украшенную разнообразными архитектурными излишествами. Гондольер что-то еще пробормотал о том, что всем здесь необходим сценарий, затем оттолкнулся шестом от гранитной ступеньки и гондола поплыла по течению в сторону Невского. Андрей несколько раз пытался выяснить у бестолкового ряженого, куда они, собственно, плывут, но добиться от него каких-то объяснений, помимо необходимости какого-то загадочного сценария, ему так и не удалось, гондольер, как истукан стоял на корме и изредка погружал шест в воду, что не особенно сказывалось на скорости лодки.

«Ладно, – подумал Андрей, – все равно от тебя ни хрена не добьешься, раз плывем, значит куда-то приплывем, здесь ничего не бывает просто так. По крайней мере, как говорят китайцы – сидеть лучше чем стоять, а лежать лучше, чем сидеть. Чем бесцельно бродить по пустому городу, лучше совершить водную прогулку и понаблюдать за происходящим».

Он откинулся на мягком, обтянутом пурпурным атласом креслице и стал наблюдать за медленно проплывающим мимо бортов городом. Окружающая картина была все той же – вокруг Андрея держался ореол около 20 метров, в радиусе которого и вода, и набережная выглядели материальными и устойчивыми, за этим же рубежом начиналась дымка тумана и за ней все казалось размытым и эфемерным. На расстоянии же примерно ста метров вообще ничего невозможно было разглядеть. И тут, подплывая к очередному мостику, Андрей увидел новых обитателей пустынного города. Вначале, как и гондольер, они казались туманными фигурами, но когда гондола подплыла на расстояние ореола вокруг Андрея, они превратились в материальные и красочные, в человеческий рост, живые марионетки классического вида. Это был обсыпанный пудрой, в нелепой белой рубашке с рукавами до земли и огромным гофрированным воротником под подбородок, в ермолке и с маской скорби на асбестовом лице Пьеро, а также с крючковатым носом в обтягивающем трико и плаще «домино» Арлекин. Пьеро, как и положено, толи стоял склонившись, толи висел на перилах мостика, скорбно глядя в темные воды Фонтанки, Арлекин же нервно ходил взад-вперед, словно заведенный. При виде гондолы оба оживились и что-то забормотали вразнобой, причем Андрей снова несколько раз разобрал слово «сценарий». В этот момент лодка нырнула под мост, а когда оказалась с другой стороны, то оба балаганных персонажа тоже переместились на другую сторону, с непонятной мольбой глядя вслед гондоле, при этом к ним уже присоединился непонятно откуда взявшийся бравый усатый капитан в треуголке, гусарском мундире, и блестящих сапогах выше колен. Капитан лихо отдал честь и гаркнул невпопад «Да здравствует король!», а жестокий Арлекин неведомо откуда вытащил увесистую палку и врезал со звоном по спине висящему на перилах Пьеро, который лишь скорбно вздохнул, обсыпая темную воду белой пудрой.

К этому времени мостик вышел из зоны «оживляющего ореола», облики балаганных героев стали призрачными, туманными и, как показалось Андрею, из них словно бы ушла жизнь и они bestолково застыли на мостике.

«Так-так, – подумал Андрей, – в какой-то балаганный город попал. Непонятно, какое отношение имеют эти итальянские персонажи к Санкт-Петербургу и белым ночам. Хотя, с другой стороны, в моем сознании эта связь всегда существовала, сам не знаю, почему. Кстати, не только у меня, но и у Блока, по-моему, и у некоторых других литераторов серебряного века. Интересно, а почему этот капитан крикнул „Да здравствует король“, он за короля гондольера что ли принял? Обманулся золоченым камзолom? Он ведь, как персонаж, всегда был таким бравым идиотом. Или»... – Тут Андрей впервые оглядел себя, доселе поглощенный только внешними событиями. Его догадка подтвердилась, на нем оказались роскошные королевские одеяния какого-нибудь короля-солнце Людовика 14, и было совершенно не понятно, почему он не заметил этого раньше. Андрей заключил, что этот роскошный наряд появился на нем недавно, возможно, когда он садился в гондолу, или даже под мостом – и в этом не было ничего удивительного для астрала, поскольку одежда могла здесь меняться и даже совсем исчезать в любой момент, нередко сменяясь за время астрального путешествия 5—10 раз без какой-то видимой причины. Правда, как правило, это были всякие свитера, брючки и комбинезончики. Андрей машинально потрогал голову – все правильно, как и положено, голову венчала золотая корона, усыпанная драгоценными камнями, а на лице оказалась незамеченная ранее, каким-то образом совершенно не мешающая маска, судя по всему действительно изображающее антропоморфное улыбающееся солнышко.

«Воистину, король-солнце», – подумал Андрей внутренне усмехаясь. Он прекрасно сознавал, что обольщаться королевским обликом в астрале особенно не стоит, поскольку все внешние формы были здесь лишь видимостью, и в скором времени он мог оказаться в лохмотьях либо совсем без одежды.

«Все здесь перепуталось: король французский, персонажи итальянские, город русский, к тому же и с эпохами – неразбериха – продолжал размышлять Андрей, – а впрочем, так и положено на маскараде».

Андрей медленно проплывал по каналу Грибоедова по вроде бы хорошо знакомым местам (Невский они еще не пересекли), но картина, между тем несколько изменилась. Лодка по-прежнему плыла посередине канала и «ореол материальности» не доходил до обеих набережных – может поэтому туман на уровне этих набережных сильно сгустился и представлял собой что-то вроде двух бесконечно вытянутых вдоль канала полупрозрачных ширм. Все здания, деревья, фонарные столбы и живые существа, находящиеся по ту сторону ширм, отбрасывали на эти ширмы четко очерченные тени, как и положено, плоские, двумерные. Теперь народа (вернее теней) стало неожиданно много, и где они прятались до сей поры было совершенно непонятно. За ширмами происходило таинственное bestолковое действие, тени бесцельно сновали туда-сюда, сталкивались, расходились, раскланивались. Кто-то, в высоком котелке на голове чинно прогуливался под ручку с дамой в пышном платье до земли и шляпке, напоминающей чепчик, кто-то спешил на службу с бумагами под мышкой, периодически по экранам проносились тени пролетов. Эта двумерная проекция рутинной текучки периодически перемежалась какими-то театрализованными представлениями. То появлялись пары в разнообразных национальных костюмах, отплясывающие польку под неслышный аккомпанемент (все тени, мелькающие на обоих экранах были беззвучны). То разыгрывалось нечто наподобие пьесы, поставленной Карабасом Барабасом под названием «тридцать три подзатыльника» (очевидно фрагмент этой пьесы Андрей видел на мостике), где тень Арлекина лупцевала тень Пьеро, а затем вместе с непонятно откуда взявшейся Коломбиной вскакивала в проезжую пролетку и исчезала с плоскости экрана. То некто в обтягивающем трико разыгрывал пантомиму, то пластично шагая на месте, то вдруг, словно наталкиваясь на невидимые стены

начинал метаться по плоскости экрана. То разыгрывались сцены из какого-то китайского уличного шествия, где несколько человек передвигали вдоль экрана огромного дракона. Во всем этом не было никакой системы, отдельные группы теней действовали совершенно вразнобой, и создавали на экране бестолковую сутолоку. От всей этой мельтешни у Андрея зарябило в глазах, но совершенно неожиданно в голове снова начало складываться импровизационное стихотворение, и он почувствовал непреодолимую потребность прочитать это стихотворение вслух, что он тут же и сделал. Стихотворение, как и его предыдущие импровизации были не совсем о том, что он видел, а скорее отражало его желание чтобы белая ночь, изрядно ему надоевшая, сменилась бархатным августовским вечером, наполненным шорохами, светлячками, темными парковыми аллеями, желтыми фонариками и влюбленными парами.

Гондола скользила по глади канала,
К причалу сбегались прозрачные тени,
Казалось, мелодия где-то звучала
И вроде бы кто-то кривлялся на сцене.

Затем этот Некто в асбестовой маске,
В ермолке Пьеро и плаще Арлекина
Умчался на резвой скрипучей коляске
Туда, где мелькала середь ив Коломбина.

Все стихло. Ладья под шестом гондольера
Нырjala сквозь низкие мутные арки,
А рядом в проеме прибрежного сквера
Таращился сумрак, тревожный и маркий.

Казалось, неслышно открылись ворота,
И статный привратник с мерцающей свечкой
Манил из подземного гулкового грота
Очнувшихся после сиесты беспечной.

Затем (не сменилась и первая стража)
Он выпустил в мир мотыльков миллионы,
Что в мареве быстро густеющей саж
Забавно кружились у бледной колонны.

Как будто безмолвные хрупкие души
На час посетили родимые земли
И тщетно пытались, порядок нарушив,
Средь окон найти позабытые семьи.

Пока Андрей занимался этим странным декламированием, неизвестно для кого, неизвестно зачем, у него держалось четкое ощущение, что произносит заклинание, которое должно произвести какое-то волшебное действие в окружающем мире.

«Ну, вот и сценарий, – догадался Андрей, произнеся последнюю строчку. – Хотя, какой же это сценарий? Тут, собственно, ничего не происходит, ни вереницы действующих лиц, ни событий – декадентское символическое стихотворение не может быть сценарием, тут проза нужна. С другой стороны, если бы меня романом осенило, мне что, пришлось бы его несколько дней тут зачитывать? Нет, видимо эта импровизация и есть заклинание, только

почему-то здешние аборигены назвали его сценарием, другой вопрос, зачем это им надо... Ну, что ж, я тут как никак Король, и королевским своим решением повелеваю: да будет так!»!

Между тем вокруг действительно что-то менялось. Густой туман, образовавшей две ширмы вдоль набережной постепенно растворялся, но светлее от этого не стало, наоборот атмосфера белой ночи неожиданно сменилась августовским душистым вечером, и в густеющем мраке один за другим зажигались желтые фонари.

«Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских ночных фонарей»... —

Снова вспомнились строки Мандельштама, и в этот момент туман окончательно рассеялся, и Андрей увидел, что пока они плыли в зоне густого тумана, то успели переместиться в узкую Лебяжью канавку рядом с Летним садом. Вдоль берега собралась разношерстная публика, словно бы перенесенная сюда из конца девятнадцатого века, и хотя Андрей ожидал увидеть продолжение маскарада, маскарадные костюмы и маски исчезли. Здесь публика по большей части придерживалась моды конца Викторианской эпохи, но наряду со строгими чесучовыми сюртуками, высокими цилиндрами или атласными платьями до земли, немало было и характерных профессиональных костюмов: легко угадывались английские моряки, военные, студенты, курсистки, лакеи, и среди них уже не встречалось балаганных Пьеро, Арлекинов, Полишинелей и Коломбин. Пропали также мимы в трико и огромные китайские драконы из шелка и рисовой бумаги.

Публика двумя торжественными эскортами расположилась с обеих сторон Лебяжьей канавки, многие держали в руках факелы, украшенные разноцветными лентами, бросающими праздничные блики в темные воды канавки. Другие горстями кидали в воду благоухающие лепестки роз, гладиолусов и тюльпанов, а юные девушки в белых шляпках – целые букеты подснежников, фиалок и ландышей, хотя подобные цветы больше гармонировали с началом лета. Вся эта непонятная торжественность сопровождалась вспышками праздничных фейерверков и одиночных петард.

То и дело раздавались громкие (и, как показалось Андрею, вполне искренние) выкрики: «Король-звезда, да здравствует король-звезда!» – И толпа разражалась громогласными «Виват!», бурными аплодисментами, и выкриками «Браво, брависсимо!», словно выражала свой восторг по поводу спектакля или концерта, на котором Андрей на бис исполнил очередную знаменитую арию.

Наш герой неловко приподнялся и машинально начал раскланиваться, совершенно не готовый к столь бурному приему торжествующей публики. Было такое впечатление, что его лицо (маска сама собой исчезла) и вообще весь его облик здесь хорошо известны, словно он тут не раз бывал, и не раз проплывал в золоченой гондоле. Андрей присматривался к лицам, благо Лебяжья канавка была узенькой, и через каждые 10—15 метров горели фонари – да и факелы неплохо освещали публику. Нет, большинство лиц казались ему незнакомыми, но в отличие от прежних своих астральных путешествий, и особенно по Антимоскве – Друккаргу, где толпа состояла из унифицированных фигур и лиц со стертými чертами, здесь каждая фигура носила яркие признаки индивидуальности как в плане лица, так и в плане конституции и одежды. Андрей даже сказал бы, что столько харизматичных личностей, собравшихся в одном месте, он никогда не встречал и в обычном земном мире. Тем не менее выглядели они даже излишне хрестоматийно, словно сошли с иллюстраций к классическим романам Диккенса, Достоевского, или скорее даже Александра Грина, поскольку лица и фигуры словно бы возникли в результате совместной работы кисти художника-иллюстратора и пера писателя-романтика. Да, Андрей точно помнил, что ни одного лица из толпы (кстати, не такой уж и многочисленной) он раньше никогда не видел ни на земле, ни в астрале, но тем не менее держалось отчетливое ощущение,

что многие персоны здесь ему странным образом знакомы, и даже кого-то он может назвать по именам. Тут у Андрея возникла догадка – пока только догадка – что вся эта публика, выстроившаяся вдоль обоих берегов Лебяжьей канавки и взаправду литературные герои, среди которых он узнает тех, с которыми успел познакомиться по книгам.

Вот швырнула в воду букетик фиалок стройная гибкая девушка в длинном клетчатом платье с вьющимися рыжими волосами с очень милым, хоть и простоватым лицом, и Андрей подумал, что это не иначе, как Тави Тум – невеста летающего человека Друда. Вот белокурая Ассоль в светлом обтягивающем ситцевом платьице застыла, словно изваяние, закрывшись ладонью от фонаря, словно от яркого солнца. А вот высокий, худой с мрачным вытянутым красивым лицом, в форменной студенческой шинели – не иначе, как Родион Раскольников, хоть и без топора под мышкой. А этот елеинный светловолосый монашек – вылитый Алеша Карамазов. А эта трагическая красавица в черной шляпке с пером страуса и вуалью – конечно же Блоковская Незнакомка. И – тут можно привести еще не один десяток примеров. Андрей обратил внимание на то, что некоторые литературные персонажи были словно ожившие иллюстрации. Так таинственная незнакомка, помимо Блока, была несомненным детищем Ильи Глазунова, альбом репродукций которого Андрей неоднократно перелистывал, и всегда задерживался именно на этой иллюстрации. Ему казалось, что этот образ в точности соответствует возникшему в его голове еще до того, как он познакомился с творчеством художника.

Некоторых же своих знакомцев он никогда не видел на иллюстрациях, либо видел, да не запомнил, но когда появилась хрупкая миниатюрная красавица в серебристом обтягивающем платье с какой-то невообразимой прической, Андрей сразу узнал в ней марсианку Аэлилу, хотя родительское собрание сочинений Алексея Толстого и было лишено иллюстраций. Тем не менее в далекие годы отрочества образ этот произвел на Андрея очень странное болезненное впечатление, отчего тот чуть ли не на год впал в глубокую депрессию.

«Любопытно, – думал Андрей, машинально помахивая рукой, словно генеральный секретарь, публике, которая по какой-то причине принимала его явно не за того, – мечтал ли я когда-нибудь встретить вот так запросто любимых литературных героев. Хотя, не только любимых, как-то меня ни Раскольников, ни Алеша Карамазов особенно не интересовали. К тому же здесь столько незнакомцев – но это лишний раз подтверждает, что в наличие не плод большого воображения, иначе я бы, наверное, только знакомые лица видел. Впрочем, Бог его знает, во сне мы тоже много незнакомых встречаем. Все это, конечно, фантомы, а не ожившие герои, да и вообще, где доказательства, что эта вон девушка именно Тави Тум? Спросить у нее что ли? Да не удобно как-то прямо из гондолы орать, тем более меня здесь почему-то за короля считают, и наверное по этикету мне это делать не следует. А интересно, почему они все в Петербурге оказались? Ну, Раскольников, или там этот блондин, каким я всегда князя Мышкина представлял – им по сюжету положено, но что здесь капитан Грей делает, или вон та, воздушная – не иначе, как Фрези Грант? Или они с той поры, как выпускные гуляния стали называть алыми парусами в Питер переместились? С другой стороны, все это, конечно, причудливая игра энергий, и эти реализовавшиеся на тонком плане герои могли любой образ принять и оказаться в любом городе. Возможно, все, что я здесь вижу, реализовано в угоду мне, поскольку меня здесь почему-то за короля принимают, а попади сюда кто-то другой, и он всех этих героев совсем в другом облике увидит, и, возможно, в другом городе. Значит все эти старые знакомые и мой любимый Летний сад на основе моего же воображения реализованы, и королем здесь быть – не такая уж великая честь. Или вообще это меня Мескалиныч глюками наградил за то, что я его отправил, куда он хотел. Интересно, сможет ли он без меня обратно вернуться? Да, собственно, какое мне дело, и без меня с ним его духовные начальники разберутся. Как-то странно, все плывем, плывем, а Летний сад не кончается, уже давно должны в Неве оказаться. Он же маленький, его на такой лодке вдоль Лебяжьей канавки за пять минут пересечь можно!

Андрей перевел взгляд на гондольера, на которого совершенно не обращал внимания с того момента, как гондола вынырнула из тумана в районе Летнего сада – но на прежнем месте прежнего гондольера не оказалось, а может это был и он, только кардинально изменивший свою внешность. Вместо расшитого золотом камзола на нем красовался грубый морской свитер с воротом под подбородок и странной конструкции сапоги с передними щитками до чресел (кажется похожие сапоги носили солдаты гренадерского полка времен Петра первого). Весь этот облик преобразившегося гондольера – и этот грубый свитер и неудобные тяжеленные сапоги, и это утрированно мужественное обветренное лицо морского волка с тяжелой челюстью и прищуренными, плакатно глядящими в светлую даль глазами был Андрею, как и многое здесь, до боли знаком, хотя, очевидно, дело было не столько в знакомой внешности, сколько в пронзительном дежавю. После мучительных попыток вспомнить, где он мог видеть этого морского волка, Андрей решил, что скорее всего это какой-то персонаж из Джека Лондона, Жозефа Конрада или Жюль Верна, которые создали немало ярких морских образов, несомненно существующих в образе духов в том самом творческом слое, по которому проплывал Андрей. Правда, какое отношение эти герои имели к Петербургу (как и многие здесь) было не понятно.

«Наверное, – думал Андрей (моряк по-прежнему молчал), – всё это души из тех литературных произведений, которые я в Ленинграде прочитал, а поскольку это творческое пространство именно я оживляю, поэтому они здесь и оказались. Причем, что интересно, пока я стихотворение не прочитал, все были туманными тенями в обезличивающих масках, теперь же они как живые и маски сбросили. Нет, как же это здорово, оживить целый мир – в этот миг возникает чувство, что ты Создатель, чуть ли не Господь Бог!»

Эти торжественные мысли были прерваны самым неожиданным образом. Вода неподалеку от гондолы вспенилась, и из Лебяжьей канавки, в которой ничего крупнее кильки никогда не водилось, появилась темная, поблескивающая от света факелов масса, размером и формой напоминающая лоб касатки. Затем, показавшись из воды всем своим пятиметровым телом, эта толи гигантская рыбина, толи небольшой зубастый кит, разинув огромную пасть ринулась на лодку, вызвав панику и крики ужаса в толпе.

Не растерялся только преобразившийся гондольер. С видом бывалого морского волка, для которого встреча с подобным чудищем рядовое, штатное происшествие, человек отбросил шест и поднял со дна гондолы непонятно откуда взявшийся увесистый гарпун, и когда хищница вцепилась зубами в борт гондолы и начала ее раскачивать, всадил свое оружие меж глаз чуть ли не на половину древка. Чудище, как и положено, вспенило воду бешеными ударами хвоста, чуть не перевернула лодку, а затем затонуло вместе с гарпуном. Андрей подумал, что Лебяжья канавка этого мифического Санкт-Петербурга как-то неправдоподобно глубока, и как в ней могла разместиться такая рыбина, совершенно не понятно. А бесстрашный гарпунер не мало не расстроенный потерей гарпуна уже правил гондолой, зорко глядя вдаль, словно плыли они не по крохотной лебяжьей канавке, а бороздили просторы бескрайнего океана.

– Не жалко гарпуна? – Спросил Андрей, не зная, как обращаться к тому, кого вроде бы положено было называть спасителем, хотя этот монстр тоже скорее всего был лишь причудливой игрой энергий, и не мог причинить нашему герою серьезного вреда. «Ответит или нет, – мелькнуло у него в голове, – по идее после того, как он маску скинул, он должен не только что-то там про сценарии бормотать».

– А чего жалеть? – Мужественным баритоном проговорил морской волк. – Пока ваше величество сценарий контролирует, тут этих гарпунов и острог на сто лет вперед припасено.

Словно подтверждая его слова, канавка недалеко от лодки снова вспенилась и над водой показалась теперь уже шарообразная масса в окружении извивающихся змей. Андрей сразу догадался, что и то и другое принадлежит огромному спуту, который, как и следовало ожидать, вцепился щупальцами в край гондолы и начал ее медленно топить.

– Да, сколько же их тут! – почти добродушно пробормотал бывший гондольер, вытащил из под заднего сидения огромный разделочный топор и буднично, как и в случае с рыбиной, обрубил ближайшие щупальца, а затем мощным ударом почти напополам раскроил спруту башку.

– Кстати, и топоров тоже! – Закончил он начатую еще до появления спрута фразу... – И арбалетов, – произнес он буквально через несколько секунд, когда рядом с лодкой обрушилось чудовище с перепончатыми крыльями и зубастой пастью-клювом, напоминающее какого-нибудь мезозойского птерадона. Его моряк сшиб метким выстрелом из непонятно откуда взявшегося тяжелого осадного арбалета.

В течение получаса ему пришлось непрерывно отражать нападения всякой водной и воздушной нечисти, словно бы сошедшей с забытых страниц фантастических романов и рассказов, во множестве прочитанных Андреем в детстве. За это время бывший гондольер ухитрился уничтожить больше дюжины гигантских рыб, спрутов, удавов, касаток и птерадонов – одного страшнее другого. Очевидно, со стороны эта сцена выглядела очень страшно, и было вообще не понятно, каким образом Андрей, и мужественный морской волк ухитрились не пострадать, поскольку в какой-то момент чудовища буквально облепили лодку. Очевидно действия моряка были настолько профессиональны и безукоризненны, что все эти страшилища падали в воду и погружались на дно, не успев причинить ни лодке, ни пассажирам никакого вреда. Однако, несмотря на чудовищность происходящего, никакого страха Андрей не испытывал, и не столько потому, что его защитник действовал столь умело и в средствах защиты не было недостатка (Андрей так и не успел заметить, как они появляются под банкой на корме, поскольку и гарпуны и топоры моряк без сожаления оставлял в телах чудовищ), но и потому, что во всей этой устрашающей бойне Андрей просто физически ощущал театральность и фальшивость. Он почему-то припомнил, что когда-то в детстве играл в пластмассовые и пластилиновые игрушки, и тоже подвергал своих героев бесконечным нападениям всяких страшилищ, беспощадно ими убиваемых. При этом, как и положено творцу своего кукольного мира, он не испытывал ни страха ни угрызений совести. Аналогичное отношение к происходящему он испытывал и сейчас, хотя на этот раз все выглядело по-настоящему.

Примерно полчаса продолжалось описанное нами побоище, в результате чего превосходящие силы противника были не только разгромлены, но и потоплены, и не оставили о себе никакого напоминания. О том свидетельствовала разве что взбаламученная вода, что, впрочем, и не особенно бросалось в глаза, поскольку Лебяжья канавка была такой же темной, как и небо над головой и лишь слегка подсвечивалась неярким светом фонарей. Кстати, толпа с факелами малодушно ретировалась, и огоньки то тут то там вспыхивали в разных местах летнего сада, который по неизвестной причине оказался гораздо больше своего реального прототипа. В слабом свете фонарей Андрей видел только темный массив парка и ближайшие статуи греческих богов, нимф и героев, но где этот сад начинается, и где заканчивается разглядеть было невозможно. Андрей видел только темные контуры Марсова поля за спиной, а Нева со своим противоположным берегом и Михайловский дворец тонули во мраке.

– Откуда здесь эти твари? – Произнес Андрей первые слова с момента появления огромной рыбины с головой касатки.

– Так, согласно вашему же сценарию, – ответил гондольер, снова взяв шест и оттолкнувшись от дна канавки.

– Какому сценарию? Я никаких чудовищ не вызывал, я только стихотворение прочел. Если его можно за сценарий считать, так там совершенно о другом.

– Ваши чувства оживили образы мира, который вы придумали гораздо раньше... – Глубокомысленно изрек гондольер. – К этому миру я имею отношение. Вернее, вы его не придумали, а призвали к активности, ну и потрудились над деталями, естественно.

– Какой мир, когда я его придумал? Как я понял, здесь что-то вроде парада литературных героев, и вы, небось, какой-нибудь гарпунер Нед Ленд, если судить по тому, как ловко с гарпуном обращались.

– Я Кубрик. – Сказал гондольер-гарпунер.

– Кубрик? – Удивился Андрей. – Разве это имя? Это же на корабле комната для моряков.

– Это мое имя. – Повторил немногословный спутник Андрея.

И тут волна воспоминаний нахлынула на нашего героя. Это был прорыв памяти из далекого детства, когда ему было не больше 6—7 лет, а может и 5, Андрей точно не помнил, но, кажется, в то время он в школу еще не ходил, и это имя, и героя, названного этим дурацким именем, и сюжет им разыгрываемый, Андрей напрочь забыл и не вспоминал много лет. Дело в том, что одним из увлечений Андрея в раннем детстве были пластилиновые человечки, с которыми он играл, вылепив их, как с плюшевыми мишками, а вернее как с оловянными солдатиками. А собственно, почему только человечки? Это был целый пластилиновый мир, куда, помимо людей, входили и звери, и роботы, и чудовища, и машины, и звездолеты. Иных из персонажей Андрей достаточно быстро ломал, не найдя для них длительного достойного места в своем пластилиновом мире, в который он играл почти ежедневно иногда один, иногда со своим приятелем из соседней квартиры, еврейским мальчиком Игорем Иоффе, обладавшим, как и Андрей, богатым воображением. Некоторые же фигурки он хранил очень долго, и они переходили у него из игры в игру, из сюжета в сюжет. Они имели и свои имена и личные истории, и одним из таких долгоживущих фигурок был моряк-гарпунер Кубрик. Это имя Андрей присвоил ему, толком не зная, что значит это слово, зная только, что оно как-то связано с морем и кораблями, и почему-то казалось Андрею очень мужественным. Собственно, никакой цельной и законченной истории его жизни и приключений Андрей не выдумал, поэтому откуда этот Кубрик взялся, кто он был по национальности, на каком корабле плавал, и как закончил свою мужественную, полную приключений жизнь, Андрей так и не удосужился придумать. Этот человек все время сражался с бесконечными врагами и чудовищами и на море и на суше, всем приходил на помощь и всегда быстро справлялся с любой неприятностью – как на Земле, так и на любой другой планете. Он был для Андрея как бы олицетворением всего самого героического в его пластилиновом мире, и наверное из всех фигурок, что он слепил в детстве, оказался самым большим долгожителем. Естественно, Андрей не мог припомнить его бесчисленных приключений, но хорошо помнил его внешний вид: высокие сапоги-ботфорты, мужественный квадратный подбородок и грубый свитер с высоким воротником. Цветовое решение было также предельно простым – весь он был серым, поскольку разноцветные фигурки появлялись на свет только в первые дни после покупки очередной коробки пластилина, вскоре же цветные бруски он смешивал, поскольку в смешанном состоянии пластилин лучше лепился и не лип к рукам. И вот теперь не особенно художественное пластилиновое произведение Андрея оказалось живой астральной сущностью. Естественно этот Кубрик не особенно походил на пластилиновую фигурку, и схожесть с прототипом заключалась только в квадратном подбородке, свитере с воротником под горло и ботфортах с передними щитками, как у Петровских гренадеров.

«Теперь понятно, – подумал Андрей, – почему этот пластилиновый дух все время что-то лопотал о сценарии, ведь это я выдумал и его самого и его приключения. Правда сюжет был достаточно однообразен и туп, по-моему единственное чем он занимался, это бесконечные сражения со всякими монстрами, и больше ничего – ни родителей, ни семьи, ни любви. Теперь ясно, почему он с таким равнодушием протыкал всяких рыб, касаток и птерадонов: когда всю жизнь занимаешься только этим, подобные баталии превращаются в рутину. Только не помню, чтобы он у меня гондольером служил, наверное это его собственная инициатива, если он, конечно, способен на что-то подобное, иначе, зачем ему нужен мой сценарий, и наверняка он хотел бы чего-то более разнообразного, чем избивание монстров. Непонятно, правда,

почему он в астральном Санкт-Петербурге оказался, по-моему в Питере я уже в пластилин не играл, а только когда мы в Донецке жили. А впрочем, не все так однозначно, здесь ведь всякие литературные герои обитают, и не понятно, что этот пластилиновый герой делает».

– Ваше имя я знаю, – сказал Андрей, не вдаваясь в подробности нахлынувших на него воспоминаний, – и мы с вами, похоже, знакомы.

– Как же иначе, – прогудел гарпунер, – кто же с вашим величеством здесь не знаком!

– Да брось ты, эти «ваши величества»! Давай по-простому. Да и вообще, до сегодняшнего дня я и понятия не имел, о том, что король. Ты, надеюсь, понимаешь, что я из другого мира явился, и там, где мой дом находится, я не только не король, но и вообще никакого важного поста не занимаю, можно сказать, отставной козы барабанщик. С чего тут все взяли, что я король-звезда? Я вообще здесь впервые оказался, причем совершенно случайно. А с тобой и некоторыми другими из публики на берегу я в другом месте встречался и при других обстоятельствах...

– А вы на свою одежду посмотрите и на корону...

– Да, одежда, – замялся Андрей, рассматривая свой роскошный, шитый золотом камзол, – откуда только она появилась? Но, насколько я знаю, одежда в астрале никакого значения не имеет, все это – причудливая игра энергий. Я, правда, сознательно никогда здесь свою одежду не менял, тут все как-то само собой происходит, но другие достаточно часто этим занимались, некоторым наоборот устойчивый образ труднее удержать. Ну-ка попробую... – Андрей постарался представить себя оборванным нищим, чтобы доказать Кубрику, насколько он не прав. К сожалению его эксперимент не удался – королевские одежды не пожелали измениться.

– Здесь все и всегда меняется только согласно сценарию, – покачал головой Кубрик, – но вы – король, творящий сценарии, и здесь, по крайней мере, меняться не можете. И потом, ваша корона, это родовой признак.

– Да что за корона такая! – Возмутился Андрей. – Уже не первый раз об этой короне слышу! Какое я к ней отношение имею. Вот и в моем мире один призрак привел меня в место, где я золотой самородок нашел – ну точь в точь в форме короны. Может об этой короне речь? Так она вполне предметом силы может быть – и все такое...

– Не знаю, что за предмет силы, знаю только, что эта корона наследственная, она и дает вам право на сценарий. Мало ли на свете сценаристов, но немногим право дается мир и судьбы менять. К сожалению, я много ощущаю, но мало сказать могу – такой уж вы мне сценарий придумали в прошлом! А так хотелось бы иного, кому угодно надоест в конце концов всю жизнь чудовищ кромсать!

– А кстати, где они? – Спыхватился Андрей. – По идее из этой канавки их туши должны были торчать, канавка-то мелкая – по крайней мере в реальном Ленинграде. И потом, еще десять минут назад эти твари просто валом валили – и вдруг исчезли! Неужто всех перебил?

– На сегодня лимит исчерпан, – развел руками гарпунер, – очевидно в вашем сценарии больше не предусмотрено. А что они все затонули, ну так там не было указано, что с ними дальше происходило, вот они и растворились. Если бы вы им предписали дохлыми на поверхности плавать, они бы и плавали.

– Да, логично, – пробормотал Андрей, – надо же какое могущество! А мне в прошлом черный магистр намекал, что я слабак и недоучка. Да видно не везде я столь жалко выгляжу! «... Я избран королем поэтов на зависть прочей мошкаре...» – как это там у Игоря Северянина! Да, кстати, почему Летний сад все не кончается, мы давно должны были в Неву выйти? И вообще, куда мы плывем?

– Куда плывем? Да откуда мне знать, вы же сценарии создаете, там про то, куда мы плывем ничего не говорится... пока. А почему Летний сад такой большой? Так вы его таким боль-

шим увидели... однажды – вот он таким и остался. Но это было давно, то ли в вашем детстве, то ли в юности.

– Да, именно в детстве, или в ранней юности – задумчиво проговорил Андрей, на него нахлынула мощная волна сладкой тоски и ностальгии непонятно по чему, или по кому, и возникло предчувствие, что он едет на свидание со своим детством и кем-то из этого времени. Вот только с кем? Он не мог сказать отчетливо, он чувствовал, что здесь воплощаются его бывшие тайные мысли и мечты – но не буквально, о чем подумал, а нечто подспудное, это и впрямь был некий сценарий, но не им созданный, а скорее какими-то фрагментами подсмотренный и прочувствованный, но не явно, а смутно, во многом приблизительно. Кто же автор? Может сам Господь Бог?

– Ну вот и приехали. – Неожиданно прервал его мысли Кубрик, и гондола пристала к берегу, где прямо из воды шла мраморная лесенка, покрытая красным атласом.

«Приехали так приехали, – подумал Андрей, – раз сценарий где-то там в информационном банке существует, значит все не случайно, и кого-то я здесь встречу, кого должен – по этому самому сценарию». – На всякий случай он спросил:

– А собственно, куда приехали? Мне здесь с кем-то встретиться надо?

– А вот уж этого я не знаю, – развел руками Кубрик, – знаю только, что вы со своим детством и юностью встретиться пожелали, и на этом мой сценарий заканчивается. Жаль конечно, но ничего не поделаешь, я хоть тонкую душу имею, но на земле пластилиновым корпусом ограничен и судьбой пластилиновой. Вот если бы вы обо мне книгу написали, я бы тогда на другой уровень перешел, и имел бы шанс на Земле живым человеком воплотиться. Тогда бы я вам куда больше смог рассказать, в частности о том, какие нехорошие вещи в последнее время твориться стали. А так, мои возможности в основном ограничиваются убоим всяких чудищ, будь они неладны!

– Хорошо, – сказал Андрей с симпатией глядя на свою детскую выдумку, о которой он уже много лет ни разу не вспомнил, – может я когда-нибудь о своих удивительных приключениях книгу напишу, и тогда обязательно и о тебе что-нибудь. И все же, что именно нехорошее происходит?

– Да расформировываться мы все потихонечку начали, – грустно сказал Кубрик, – и еще этот туман! Наверное, если бы я по сценарию другим был, то мог бы более внятно объяснить. Одно скажу, раньше такого не было, а как вы появились, так вроде бы все на место встало – отсюда и ликование. Но ясно, что вы здесь не надолго, а значит все скатится к прежнему. И все же я предчувствую, что в сценарии должны произойти изменения.

– Ну уж не сомневайся, – глубокомысленно изрек Андрей, делая вид, что ему что-то понятно, – я обязательно во всем разберусь и исправлю, что от меня зависит. Ну, раз на этом твой сценарий заканчивается, значит, наверное, прощай-покедова! Может еще встретимся, вдруг понадобится с чудищами разобраться!

– Да уж по этой части всегда к вашим услугам, – как-то вяло отозвался Кубрик.

– Да, кстати, – спохватился Андрей, – совсем забыл. А что это за Пьеро-Арлекины такие? Или тоже не знаешь?

– Знаю только, что на определенном этапе расформирования души такую форму принимают. Теперь их тут немало бродит, а раньше не было. Они как куклы живые и сравнительно недавно здесь появились. Больше ничего сказать не могу.

– Ну ясно, – сказал Андрей, – значит это что-то вроде признака вырождения, как рудиментарный хвостик или шерсть на ушах. Ладно, спасибо за все, счастливо оставаться!

Андрей спрыгнул с лодки и вступил на атласную ковровую дорожку, покрывавшую ступеньки – очевидно специально к его визиту, если судить по тому пышному приему, который ему тут устроили.

«Да, дела, – размышлял Андрей, неспешно поднимаясь по ступенькам – очевидно королю не положено было взлетать наверх, как пятнадцатилетнему мальчишке, – значит и в мире моих пластилиновых человечков и литературных героев что-то неладное происходит – и никто не может объяснить, что именно, однако же видят во мне короля и спасителя нации. А бедный король недавно из дикой тайги явился и сам понятия не имеет, что происходит не только здесь, но и на Земле. Одно ясно, что и тут и там присутствует десятилетний мальчик, похожий на меня в детстве, к тому же местами на пару с черным магистром. Вопрос в том, насколько он это я. Правда, если судить по моему экскурсу во времени в Трускавец эпохи шестидесятых, он как раз я и есть, только в другом времени и несколько иной версии судьбы. Кажется все к тому идет, что с этим вторым „я“ мне придется разбираться».

Между тем подъем оказался гораздо дольше, чем это следовало из здравого смысла (чего там бережок Лебяжьей канавки, десять ступенек – и наверху).

«Надо же, – дивился Андрей здешним пространственным парадоксам, – то из канала Грибоедова сразу перескакиваю в Лебяжью канавку, причем не понятно в какой момент, то маленький Летний садик никак не кончается – кажется мы мимо него часа два плыли. Теперь этот торжественный подъем на совсем невысокий бережок! Очевидно это для осознания торжественности момента. Король все должен делать медленно, тем более с такой мантией». – Поднимаясь по ступенькам Андрей обратил внимание на то, что за спиной его оказалась горностаевая мантия, которой он раньше не замечал.

Но вот затянувшийся подъем закончился, и Андрей оказался в правом крыле Летнего сада – если смотреть со стороны Невы. Сад был охвачен ночным сумраком, то там то здесь рассеиваемый неяркими фонарями, казался несравненно больше своего реального прототипа, и не просматривался насквозь, утопая в густой августовской зелени. Это если смотреть со стороны Лебяжьей канавки – а в сторону гипотетической Фонтанки, которая тоже не просматривалась, разбежались неширокие аллеи, сверху словно тоннели прикрытые смыкающимися кронами могучих дубов, лип и тополей. То тут то там белыми привидениями просвечивали сквозь мрак мраморные статуи греческих богов, нимф, наяд, героев. Хотя не так давно публика, торжественно встречавшая Андрея, разбрелась по парку, парк выглядел пустынным, факелы куда-то подевались, и помимо многочисленных мраморных фигур в парке не было ни души.

Вдруг неподалеку раздалось тихое (как показалось Андрею, приветственное) ржание, и из глубины аллеи возникла точеная фигура белого скакуна с густой гривой, свисающей до уровня груди. Конь еще раз заржал и неторопливой рысью направился к Андрею. Уже когда он достаточно приблизился, наш герой разобрал, что прекрасный породистый скакун был при седле и сбруе – правда отнюдь не королевской – ни тебе золоченой попоны, ни драгоценных камней в седле и уздечке, хотя по нынешнему положению вещей Андрею наверное была по рангу положена именно такая упряжь. Но седло и уздечка оказались из темной потертой кожи больше подходящей тихому бесполому Адику, оставшемуся где-то там, в Алтайской тайге. Конь с тихим цоканьем подгарцевал к Андрею, и остановился, нетерпеливо скребя копытом, словно приглашая вскочить в потертое, выдавшее виды седло, и пуститься в бешеную скачку по темной аллее неведомо куда, навстречу неведомо кому.

Андрей на минуту растерялся. Он, конечно, десяток раз ездил на лошади в школьные годы в деревне у ныне покойного дедушки, да еще совсем недавно пару раз рысью проскакал на Адике, который не согласился перейти на галоп, хотя Андрей, желая показать Гале, что он тоже не лыком шит, изрядно его нахлестывал. Тем не менее, сядя на лошадь, он всегда преодолевал чувство страха, к тому же то были тихие колхозные савраски, здесь же перед Андреем гарцевал могучий скакун, способный победить на престижных профессиональных скачках. Но деваться было некуда, Андрей прекрасно сознавал, что здесь он не случайно, и конь этот не случаен, и должен доставить его куда-то или к кому-то, следуя неведомому сценарию, который здешние обитатели ждали именно от него. И дело было, естественно, не в том, что Андрей

боялся свалиться – как раз это-то в астрале было совсем не страшно, хотя нынешнее путешествие сильно отличалось от рядового астрального выхода – просто этот конь мог оказаться очередной ловушкой, как это уже было не раз в прошлом, когда его кто-то куда-то пытался позвать, или приглашал в путешествие. А сейчас – Андрей это отчетливо сознавал – он втянут в историю где задействованы неведомые могущественные силы, и последствия подобных ловушек могут оказаться гораздо серьезнее, чем раньше. Хотя, с другой стороны, что может быть серьезней летаргии, той малой смерти, которую он уже пережил? Настоящая смерть? Но в тот момент Андрею казалось, что это-то как раз и не страшно – наоборот она бы только разрешила все его проблемы. Тем более, умереть может только физическое тело, оставшееся где-то там, в другом измерении, до которого сейчас ему нет никакого дела.

– Ну-ну, спокойно. – Пробормотал Андрей, подойдя к коню и взяв его за уздечку. – Красивый, красивый! Кто же тебя послал, и куда ты должен меня привезти?

Андрей, как и на Земле, разговаривал скорее сам с собой, но если бы конь ответил, он не особенно удивился бы, поскольку ситуация с пресловутой второй сигнальной системой была в астрале непредсказуема – то не разговаривали люди, а то могло заговорить животное или неодушевленный предмет. Однако конь ничего не ответил, а только тихонечко заржал и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно бы еще раз приглашая Андрея вскочить в седло. Андрей вставил ногу в стремя и совсем уж было собрался лихо взлететь на широкую спину коня – он был уверен, что в астрале ему удастся сделать это именно лихо – как вдруг внимание его привлекла надпись на седле, которая очевидно обозначала имя благородного животного. Красивым готическим шрифтом на седле было оттиснуто: «Белый Гром».

– Белый Гром, Белый Гром! – Пробормотал Андрей. – Так ведь это же конь Пандеона! – В памяти его воскресла история, про которую он, как и про историю с пластилиновым Кубриком, давно не вспоминал, хоть и не забыл окончательно. Этого сюжета мы вкратце касались в начале второй книги, когда описывали отроческие годы Андрея, который в возрасте 12—13 лет на протяжении года, чаще всего, лежа в постели, мысленно (никогда, ни слова он не записал оттуда) выдумывал историю любви и приключений юноши и девушки, имена которых он взял из очень любимого им тогда романа Ивана Ефремова «На краю Ойкумены». Имена эти – Тесса и Пандеон, его по непонятной причине попросту очаровали. Разумеется, наделил он их совсем другой судьбой, они уже не были древними эллинами – собственно никакой национальности им Андрей так и не присвоил – они жили в какой-то неведомой стране, возможно даже и не на планете Земля, и история, которую Андрей мысленно про них сочинял, была волшеббно-фантастической, хоть и не стопроцентной сказкой. Скорее она укладывалась в жанр «Фэнтэзи», хоть о таком жанре в те годы Андрей даже и не подозревал, и никогда не читал ни Джона Толкиена, ни Клайва Льюиса, ни Урсуллу ле Гуин, книг которых просто не существовало на прилавках магазинов.

У романа этого не было ни начала, ни конца, да и многие фрагменты его не особенно стыковались: то герои романа оказывались в бесконечно разветвленной пещере (чувствовалось влияние Тома Сойера) и плыли на маленькой лодке по черной подземной реке, причем большое внимание Андрей уделял психологическому аспекту: Тесса впадала в отчаяние, Пандеон же мужественно ее утешал – в результате они находили странную подземную страну, и дальнейшие события происходили уже там (опять же влияние сказки «Семь подземных королей» А. Волкова). То вдруг они оказывались на поверхности, и тогда уже блуждали в огромном средневековом замке, куда они непонятно по какой причине забрались. Замок, естественно, был битком набит всякими привидениями, вампирами и прочими монстрами, с которыми Пандеону приходилось бесконечно сражаться, защищая жизнь своей невесты. Чем закончился этот эпизод Андрей так ни разу до конца и не придумал, но помимо боев там изобиловали многочисленные эротические сцены (ох уж этот тяжелый период полового созревания) в огромных королевских будуарах с золочеными амурами и психеями. И т. д. и т. п. – непрерывные

битвы, погони, любовные сцены, верная любовь, надежная дружба, похищение невесты злодеями и неременное ее освобождение мужественным героем – все, как и положено в приключенческих романах. Да, и конечно верный могучий конь с роскошной гривой по имени Белый Гром (Андрей тогда любил все слова, в которых раскатисто гроыхала мужественная буква «Р», и в том, что его главного героя звали Пандеон, было какое-то недоразумение).

Сейчас, пожалуй, Андрей не смог бы припомнить ни одного конкретного эпизода этой безначально-бесконечной истории, да, собственно, в ней не было ничего оригинального, и никакой литературной находки она не представляла, но он очень хорошо помнил те чувства, которые сопровождали эту его ежедневную импровизацию. Что это было? Он ощущал своих героев живыми людьми, которых он по какой-то причине еще не встретил, но которые где-то реально существуют и воплощают собой его отроческий, несколько однобокий и наивный идеал. Когда Андрей думал о них (позже, годам к 15 это безвозвратно ушло и забылось) то у него возникала странная чувственная смесь сладкой, щемящей тоски, Гриновского Несбывшегося, печальной любви к своим героям и любви к их любви...

Ему мучительно хотелось невозможного – отчетливо увидеть их перед мысленным взором, а еще лучше услышать их голоса и разговоры, но увы, эдейтического видения у него тогда не было, а когда позже оно стало проявляться в результате занятий йогой, интерес к данной теме давно и полностью угас. Тем не менее Андрей достаточно ясно представлял, как они выглядели – это было не сложно, поскольку Пандеоном был он сам, только лет восемнадцати и наделенный всеми достоинствами благородного воина, привыкшего к холодной стали клинка (естественно, никакого огнестрельного оружия, в крайнем случае – арбалет).

А образ Тессы – это была повзрослевшая Аня, и как и ее таинственный прототип, она владела тайными знаниями и магией, хоть ей это почему-то плохо помогало против происков многочисленных супостатов, вдохновителем и руководителем которых был некто срисованный с черного магистра, которого Андрей видел в 10 лет во время своего первого спонтанного астрального выхода. Да, пожалуй, еще одна малозначительная черта: все это воинство зла передвигалось на черных зловещих конях в противовес Белому Грому Пандеона. Пандеон так обычно его и называл: «мой Белый Гром» – получалось нечто успокаивающее, по типу «белый шум».

Но вернемся к текущему моменту. Андрей уже вставил ногу в стремя, но вначале задержался, будучи охваченный воспоминаниями, а потом сообразил, что длинная горностаевая мантия может сильно помешать при бешеной скачке на лошади (Андрей не сомневался, что скачка будет именно бешеной). Он опустил ногу и взялся рукой за шею, чтобы расстегнуть застежку, но ни застежки, ни роскошного, расшитого золотом воротника уже не оказалось. Когда же он недоуменно бросил взгляд на себя (рассматривать себя в астрале всегда было каким-то нарочитым процессом) то оказалось, что королевских одежд нет и в помине: его атлетическую фигуру обтягивали черные кожаные штаны, высокие ботфорты, а под кожаной черной курткой поблескивала тонкой работы кольчуга. С левого бока болталась длинная легкая шпага с витиеватой гардой, справа – средних размеров кинжал искусной работы.

«Так, – внутренне усмехнулся Андрей, – быстро же меня разжаловали! Из короля – в какого-то рядового мушкетера или гвардейца. А может я все же принц? Только переодевшийся! Если принц принимает участие в каких-то тайных военных операциях, он, наверное, переодевается в одежду простого воина, и только ценное оружие может выдать его – вон какая роскошная шпага и кинжал, да и кольчужка, похоже, не предназначена для простого ратника. Да, тут еще к луке седла арбалет пристегнут, и ложе у него из слоновой кости: наверное тоже драгоценная игрушка. Ну что ж, маскарад продолжается, не случайно вначале тут одни ряженные и Пьеро с Арлекином – да и гондольер в маске Пульчинелла. Но, судя по всему, сейчас меня ожидает приключение поинтересней, чем неспешная прогулка на гондоле. Хотя, чего я на прогулку грешу, на нас же всякие монстры нападали, правда я в их избииении участия не принимал, за меня Кубрик постарался – наверное в детстве я его суровый тренинг пройти

заставил. Ну что ж, сейчас, если что – самому отдуваться придется, хотя уж я-то знаю, что все эти астральные бои – сплошная карикатура, хоть и выглядят внушительно, убить-то все равно никого не возможно».

Тут, как бы подтверждая его слова – а может и вызванный ими, где-то в глубине сада послышался стук многочисленных копыт, и вскоре в глубине широкой центральной аллеи показался небольшой отряд всадников – человек 10. Вначале, что это за люди было трудно разобрать в сумраке аллеи, Андрей разглядел только, что у переднего всадника поперек хребта лошади перекинута что-то белое – вроде как человеческая фигура, но по мере того, как всадники приближались неспешной рысью, Андрей разглядел всю группу. Все они ехали на мощных вороных конях, и облачены были в одинаковые черные латы – точь в точь средневековые рыцари. Шлемы и опущенные забрала полностью скрывали их лица – и вообще закованы в железо они были с ног до головы, без единой маленькой щели, через которую можно разглядеть что-то человеческое. В общем – рыцари, приехавшие на турнир, не было только обычного атрибута тяжеловооруженных воинов – длинных турнирных копий. Поверх лат на каждого рыцаря был накинут черный плащ со странной эмблемой в виде золотого куба, а на рыцаре, скачущем впереди – еще и массивная золотая цепь с таким же кубом в виде медальона. Поперек хребта лошади этого всадника действительно было переброшено человеческое тело – это была женщина в длинном белом платье, причем руки и ноги женщины оказались связаны толстой веревкой, а лицо по глаза перехвачено черным платком. Женщина, похоже, была без сознания («интересно, а можно ли в астрале потерять сознание»? – мелькнула в голове Андрея дурацкая мысль). Длинные белокурые волосы пленницы свисали почти до земли, и невольно у Андрея промелькнула догадка, подобающая ситуации: «похищенная принцесса». Да, и еще одна особенность, ее Андрей заметил только когда всадники подъехали совсем близко: от каждого из них и их коней – от рук, ног и головы отходили куда-то вверх и терялись в пространстве темные тонкие нити, аналогичные тем, какие Андрей в предыдущий астральный выход наблюдал у себя самого (теперь их, слава Богу, не было).

«Так, ясно, – подумал Андрей, – астральные марионетки. – (Он забыл, что если следовать этой логике, то и сам не так давно был подобной марионеткой) – Маскарад продолжается. Были Пьеро с Арлекином, теперь кукольные рыцари в полный рост. Злые рыцари похитили добрую принцессу. Это, наверное, намек на то, что я – смелый принц и должен ее освободить, как положено в любой нормальной сказке. Что ж, на Земле я весьма сомнительно попер бы с тоненькой шпажкой на десятерых здоровенных жлобов, по самую маковку закованных в железо – даже ради прекрасной принцессы. Здесь же, думаю, не все так страшно, как выглядит на первый взгляд – думаю, они не страшнее какой-нибудь паршивой лярвы, скорее всего они что-то вроде этих лярв и есть, только выглядят внушительно. В конце концов все это только причудливая игра энергий».

С этой мыслью Андрей лихо взлетел в седло (он мог бы взлететь и в небо, но такой задачи на этот раз не было), конь взвился на дыбы, и пришпоренный хозяином, с места пустился в галоп наперерез двигающемуся увесистой рысью отряду. Он вспомнил, как покруче Брюса Ли расправлялся с серо-коричневыми лярвами, как лихо рубился по-самурайски, а потом перестреливался по-ковбойски со своим двойником, и подумал, что, наверное, сейчас не хуже сможет затеять средневековую рубку на конях. Эти навыки, в зависимости от ситуации, приходили сами собой – все зависело только от состояния духа и количества личной силы, которая – Андрей это хорошо чувствовал – сейчас из него просто била ключом. И не важно, выделяешь ли ты при этом затейливые Шаолиньские «хвосты дракона», наносишь ли разваливающий «плащ монаха» самурайским мечом, либо, подобно Гендальфу, швыряешь в противника огненные шары – все это лишь причудливая игра энергий, и форма имеет второстепенное значение.

Андрей, как вихрь, налетел на словно бы ничего не подозревающий стальной отряд и, выхватив свою легкую шпажонку на скаку рубанул переднего рыцаря (тот, который вез пленницу при приближении Андрея предусмотрительно спрятался за спины товарищей) сверху вниз – в то место, где шлем вместе с забралом соединился с остальными латами. Как он и предполагал, легкая шпажонка вместо того, чтобы разлететься вдребезги о полусантиметровую броню – что должно было произойти в условиях земного боя – выпустив сноп искр, словно из петарды, снесла голову воину. Тот не успел даже поднять меч, и как сноп, полив траву фонтаном крови, повалился с коня, а шлем с забралом (в темноте Андрей не разглядел, есть ли там голова) со звуком консервной банки запрыгал по гравии аллеи. Остальные воины, сразу не успев среагировать на мгновенную гибель товарища, слегка отступили назад и оцетинились мечами, булавами и кистенями.

«Все правильно, – подумал Андрей, – кажется битва будет занятной. По крайней мере они не застыли, обалдевшие, как те солдаты из Антимосквы, позволяя делать с собой, что мне вздумается, а приготовились к сражению. Ну что ж, тем интереснее будет поразмяться, судя по всему, эта шпага заговоренная, и как Эскалибур короля Артура, рубит и камень и железо. Надо будет посмотреть, что у них под латами – люди они или черти полосатые».

Андрей врубился в гушу пытавшихся перестроиться воинов и сеча началась. Рыцари держались молодцом, они не позволяли тупо разделаться с собой, как солдаты в Антимоскве, но оказывали достойное сопротивление достаточно умело орудуя мечами и кистенями, пытаясь вышибить Андрея из седла, но в того словно бы вселился бес, и никогда в прежних своих астральных битвах он не был столь великолепен. Его легкая, быстрая, но неестественно прочная шпажонка на несколько ходов опережала действия любого тяжелого меча, перерубала цепи кистеней, ну и, естественно, ни щиты ни латы не становились реальной защитой от ее грозного, сияющего белым пламенем клинка. Мечи ломались пополам, встречая на пути узкую полосу заколдованной стали, Андрей сносил головы, отсекал руки, разрубал всадников пополам, вместе с лошадьми, при этом ни разу сталь вражеского клинка не коснулась его тела, защищенного только тоненькой кольчужкой, способной в условиях земного боя защитить разве что от скользящего удара. У Андрея словно бы выросло несколько рук, он одновременно ухитрялся отбить 4—5 ударов, которые сыпались на него со всех сторон, и дело, помимо прочности клинка, было в многократном преимуществе в скорости, словно рыцари действовали в реальном времени, а время Андрея, словно киноленту, кто-то запустил во много раз быстрее. Не прошло и десяти минут, как весь грозный стальной отряд был повержен. То тут, то там валялись отдельные части тел рыцарей, досталось также и лошадям – по этому поводу у любившего животных Андрея заскребло на сердце: в пылу битвы он вместе с всадником нередко перерубал и самого коня, и в этом смысле зрелище было достаточно зверским, а глубокие сумерки усиливали эффект. Наверное, картина рыцаря даже не выпавшего из седла, одна половина которого вместе с задней частью коня валялась в метре от аналогичной передней, увиденная в земном мире заставила бы содрогнуться самое закаленное сердце. С другой стороны Андрей не сомневался, что все эти разрозненные части тел, как только он отъедет от этого места, испарятся, а затем материализуются где-нибудь поблизости, и возможно под другим обликом, как это случилось с частями тела расчлененных солдат в Антимоскве.

«Однако, – подумал Андрей, – погибли они мужественно, как настоящие рыцари, даже не вскрикнув, и бились до последнего, никто не побежал, как там, в Антимоскве. Хотя, что значит «никто не побежал»?»

Тут только до него дошло, что увлеченный грозной динамикой боя, он совсем забыл, зачем набросился на этот бронированный отряд: ради спасения какой-то неведомой принцессы. Этой цели, как вдруг до него дошло, он так и не достиг: пока шла кровавая сеча, воин, к седлу которого была привязана пленница, благополучно ускакал в неизвестном направлении,

и обнаружить, куда именно он ускакал, в глубоких сумерках среди густых деревьев казалось весьма нелегкой задачей.

«Надо искать следы копыт, – подумал Андрей, – хотя, с чего это я взял, что в астрале на земле остаются какие-то следы?»

Тем не менее, ничего лучшего придумать он не мог, поэтому пришлось слезть с лошади, и в темноте обследовать землю. К удивлению Андрея, следы действительно отчетливо просматривались на дорожке, посыпанной мелким гравием: рыцарь с пленницей не придумал ничего лучшего, как ускакать по центральной широкой аллее, хотя, сверни он в чашу, и в высокой траве следы его наверняка бы затерялись, а впрочем, возможно он не предполагал, что какому-то легко вооруженному воину удастся справиться с его отрядом.

«Вообще-то, – подумал Андрей, – в настоящем Летнем саду он никуда бы спрятаться не мог – разве что в город ускакал». – Андрей представил себе, как рыцарь, закованный в броню, скачет по улицам города с перекинутой через седло пленницей, и подумал, что это же какой-то абсурд, его же на первом перекрестке остановит патруль ГАИ...

«Тфу ты, какое ГАИ, это же Астрал, все забываю, уж больно все натурально и по формам и по ощущениям. Нет, скорее всего Летний сад разросся до непомерных размеров, поскольку арена главных действий разворачивается именно здесь, это, по-видимому, и есть тот сценарий, которого от меня местные жители требовали – а реальный Питер усох за ненужностью».

Андрей снова вскочил в седло и помчался по центральной аллее, где даже в сумерках можно было разобрать одиночные следы могучих копыт. Через несколько минут впереди забрезжила фигура всадника с белой поклажей поперек седла, и Андрей понял, что имеет немалые преимущества в скорости перед беглецом. Расстояние все сокращалось, всадник несколько раз оборачивался, и как показалось Андрею, в щели забрала поблескивали его злобные глаза – и вдруг, к растерянности Андрея, возникла непредвиденная помеха: между ним и беглецом из чаши на аллею выехал отряд всадников, и поскакал на Андрея. По особым приметам, которые он заметил во время битвы, Андрей узнал тех же самых рыцарей, которых он только что изрубил на куски.

– Так, – растерянно пробормотал Андрей, – история с лярвами повторяется. Не сомневаюсь, что минут за десять я управлюсь с отрядом, а за это время похититель вновь уедет вперед, я вновь его догоню, и вновь появятся эти железные дровосеки – и так до бесконечности. В результате я никогда не достигну цели. Нет, тут надо менять тактику, глупо дважды наступать на одни и те же грабли... Хотя, как помнится, раньше именно так я всегда и поступал. Так, легко сказать, «сменить тактику», а на что ее сменить? Попробую-ка пометать в них огненные шары! – (Андрей почему-то не сомневался, что это у него обязательно получится, хоть он никогда не пробовал, но не зря ведь здесь его называли «королем-звездой»)

Андрей остановил коня и представил, что в правой руке его разгорается нестерпимый жар. Он не раз проделывал подобные упражнения во время медитаций, но кроме легкого потепления и покалывания в ладонях, вызвать ему ничего не удавалось. На этот же раз все произошло мгновенно – в руке тут же возник ярко пылающий шар, наподобие шаровой молнии, который, тем не менее, не обжигал – Андрей запустил в первого попавшегося воина, до которого оставалось не более пяти метров. Шар с треском ударился о бахрец нападающего, и в ту же минуту его охватили языки пламени, словно воин был сделан из горючего пластика, либо полит бензином. Мощные латы, и тот, кого они скрывали, начали плавиться, стекать, словно воск – не прошло и пары минут, как от всадника осталась только лужица темной горячей жидкости, напоминающей нефть. Андрей сжег аналогичным образом еще парочку рыцарей, прежде, чем вступил в рукопашную, и тем самым несколько облегчил задачу для своей шпаги. Дальше история повторилась, и тот, кто не был сожжен, остался лежать на поле боя, разрубленный, но, к сожалению, времени на это ушло почти столько же, что и в первом сражении, и всадник, несущий женщину снова успел оторваться от Андрея. Когда же, почти догнав

его, Андрей вновь столкнулся с регенерировавшим отрядом, он не на шутку разозлился и растерялся: Летний сад и не собирался кончаться, было впечатление, что по нему можно скакать вечно, а запас прочности казалось бы, таких непрочных рыцарей оказался неведом: то ли их нужно было разрубать или жечь какое-то определенное количество раз, чтобы они перестали восстанавливаться, то ли этот процесс вообще не имел лимитов. К сожалению приходилось признать тот факт, что придерживаясь прежней стратегии, Андрей в принципе не мог догнать похитителя и освободить пленницу.

«Ну вот, опять сказка про белого бычка, – злился Андрей, – что я, нанялся этих фениксов рубать? Мне, кстати, это сражение и на фиг не нужно – какой смысл сражаться с бойцами на несколько порядков ниже тебя, да к тому же бесплатно, а принцессу при таком раскладе я никогда не освобожу. Надо что-то менять в тактике, но что? Лучом их что ли резать? Думаю, это не сложнее, чем огненный шар метнуть – так, наверное, хрен редьки не слаще, разве, что чуть быстрее – может, успею беглеца нагнать?»

Андрей попробовал и этот вариант, выдав голубой луч из межбровья (можно было, конечно и из ладони, но он прочему-то припомнил легенду, где Шива испепелил бога любви Каму, метнув огонь из третьего глаза), но, увы, и эта попытка закончилась провалом – рыцари перепиливались лучом не сразу, и в конечном счете он снова не успел догнать принцессу. Когда же всадники в очередной раз вышли из леса и двинулись на него темной массой, Андрей окончательно убедился, что ни мечи, ни лазеры, ни в перспективе гранатометы и «Стингерсы» здесь совершенно не эффективны. Нужно было что-то принципиально новое, вот только что?

«Может, – думал Андрей, – боевого духа не достаточно? Да, по-моему, он сейчас из ушей полезет!»

Его замешательство было, очевидно, истолковано заградительным отрядом, как слабость, и воины набросились на Андрея с удвоенной яростью, обрушив на него целый шквал ударов. Получилось так, что слегка замешкавшийся Андрей, отбивая удары, сделал несколько не очень просчитанных движений шпагой – в частности махнул ею над головой одного из противников, не снеся ему, при этом, башку, а перерезав над ним нить, на которые давно не обращал внимания, увлеченный разными способами расчленения злополучных рыцарей (еще раз напомним, что от каждого рыцаря куда-то вверх уходило по несколько нитей, как у марионеток). К его удивлению, невредимый рыцарь, словно получив смертельный удар, упал с лошади, как подкошенный, латы его рассыпались по гравиевой дорожке, и Андрей с удивлением обнаружил, что под латами ничего нет. Их хозяин словно бы испарился в мгновение ока, хотя совершив за время этой нелепой битвы многочисленные расчленения, Андрей, поражая противника, разрубал и кровоточащую плоть. Неожиданна была и реакция остального отряда, за который в этот раз Андрей не успел по-настоящему приняться: рыцари, бестрепетно переносившие до сего момента собственные расчленения и расчленения товарищей, не издавшие ни единого крика боли и страха (по-видимому, ни того ни другого они и не испытывали) на этот раз, при виде рассыпавшихся жестинок, пришли в настоящий ужас. С неразборчивыми возгласами отряд, доселе сохранявший железную дисциплину и строй, кинулись врассыпную, словно тараканы, на которых прыснули репелентом. Не прошло и нескольких секунд, как они растворились в ночном сумраке среди деревьев, и только пустые латы, тускло поблескивающие в свете редких фонарей, напоминали о начавшемся и столь неожиданно закончившемся сражении.

«Отлично! – подумал Андрей, – ларчик просто открывался. Ведь сколько раз убеждался: в астрале обычные земные подходы к решению проблемы не годятся, а я все не могу к этому привыкнуть – шпагой, видите ли, помахать захотелось. Тем более, соблазнительно, что в астрале ничему годами обучаться не нужно – все само получается – захотелось, видите ли себя суперменом ощутить. Интересно, – думал он, в очередной раз нагоняя беглеца, – «сколько я километров по этому Летнему саду отмахал, словно это не маленький садик, а тайга бескрайняя».

Андрей страшно боялся, что паническое бегство рыцарей – снова какой-то тактический маневр, и в последний момент они вновь объявятся и позволят беглецу в который раз оторваться от Андрея, но этого, к счастью не произошло – очевидно Андрей нашел таки способ эффективной борьбы с неведомыми всадниками. Кстати, кто они были? Демоны? Какие-нибудь Назгулы? Этого Андрей не знал, поскольку рыцарские доспехи ни к чему не обязывали.

Итак, ему наконец удалось нагнать беглеца (аллея все тянулась и не собиралась заканчиваться), Андрей начал обходить его с боку, приглядываясь в сумерках, где у него та самая уязвимая нить, чтобы решить проблему сразу, и не тратить время на великолепное, но, увы, малоэффективное сражение – а впрочем, чтобы отбить пленницу и это годилось. К его удивлению, нитей над этим всадником, которого отличало от прочих также наличие массивного медальона, не оказалось, очевидно он был слеплен из какого-то другого теста и не нуждался в услугах невидимого загадочного кукловода. Тут всадник, очевидно, понял, что скрыться от погони, рассчитывая только на быстрходность коня, не удастся, и он резко изменил направление, рванув через чашу (впрочем не такую уж густую). Андрей, не ожидав этого маневра, по инерции достаточно далеко проскакал вперед, но это его не смутило, главное, что основная помеха – рыцари – больше не беспокоила, и наш герой, пробормотав сакраментальную фразу из какого-то революционного фильма: «Врешь, не уйдешь!», повернул своего Белого Грома, и пустил вдогонку слегка оторвавшемуся черному всаднику.

После нескольких неожиданных маневров Андрей научился предугадывать его действия, и вскоре ему удалось обогнать рыцаря и перегородить тому дорогу, угрожающе направив клинок в область головы. Да, действительно, этот рыцарь был автономен, никаких нитей от него не исходило, и Андрей подумал, что, наверное снова придется рубиться, как вначале с остальным отрядом.

«В конце концов, – думал он, – главное – забрать принцессу, а там – пусть восстанавливается, не думаю, что ему удастся девушку у меня отбить». – Андрей по-прежнему не видел ее лица, этому мешали длинные волосы, но почему-то был уверен, что она какая-то принцесса).

– Вот что, приятель, – сказал Андрей тихо и грозно, – оставь девушку в покое, и можешь катиться на все четыре стороны. Бесплезно сражаться, это мой город, и здесь я непобедим. Твои дружки уже в этом убедились.

Темный рыцарь, казалось, колебался в нерешительности, затем медленно поднял забрало и с усмешкой посмотрел на Андрея.

– Тебе хорошо видно? – Сказал он до боли знакомым голосом. Лицо его показалось Андрею тоже знакомым, но на него падала густая тень, и кто это такой, разглядеть было невозможно, хотя Андрей чувствовал, что знает его.

– Не узнал, а так? – Всадник выехал из тени деревьев на поляну, слегка освещенную фонарем, мерцавшим среди деревьев с ближайшей аллеи, для верности сняв шлем.

– Фауст? Йохан? – Полувопросительно сказал Андрей. – Но как же... и вообще...

– Что «как же и вообще»? – С легким немецким акцентом переспросил рыцарь.

Андрей смотрел на знакомое лицо: да, первое впечатление было, что это Фауст, Андрей хорошо запомнил и его облик, и голос – причем в разные поры жизни. Сейчас же его внешность оказалась несколько унифицированной, то есть трудно было назвать возраст – исчезли морщины и седина, но и юным оно не казалось, в каждой черточке сквозила умудренность и опыт, и еще жесткость, пожалуй даже ожесточенность, хотя никакого зверства, тем более садистской жестокости Андрей также не разглядел. И еще – лицо не то, что менялось, как Андрей не раз наблюдал в астрале – но в каких-то ракурсах он узнавал то свое собственное лицо, то лицо индийского кшатрия Рама. Так, разглядывая внешность отпрыска знакомого семейства, мы видим в лице его черты то матери, то отца, а то, даже, бабушки или деда – и все лишь как феномен восприятия, подобно тому, как в сумерках в веревке человек может увидеть змею. Очевидно, если бы Андрей побольше путешествовал в своих воплощениях, то нашел бы в нем

и много других лиц, но их он не знал. Андрей стряхнул нерешительность – все же перед ним стоял противник (это напоминало заезженный литературный и кинематографический прием, когда воин вдруг узнавал на поле боя в качестве противника своего брата, отца или сына), и сказал, как можно увереннее, стараясь скрыть растерянность иронией:

– Да так, пустячок, не понятно, каким образом – если твоя душа является одновременно и моей душой – ты здесь разгуливаешь и слегка безобразничаешь. Например – похищаешь прекрасных принцесс. Это то, что на первый взгляд заметно – ведь наверняка та компания, в которой ты до недавнего времени тусовался, немало и других пакостей натворила. Хотя, в том ты навряд ли признаешься.

Похоже, Фауст тоже с интересом рассматривал Андрея, затем, после продолжительного молчания ответил:

– Если ты уже видел меня со стороны – иначе бы не узнал – то чего уж тут удивляться? Себя самого ты ведь тоже узнаешь.

– Нет, – запротестовал Андрей, – тебя я раньше видел, путешествуя во времени, и видел твои земные приключения. При этом меня отдельно от тебя не существовало, я как бы наблюдал тебя – будучи тобой что ли. Хотя это гораздо сложнее, я одновременно и был тобой и не был – иначе не могу сказать, это как во сне иногда случается, а тут мы встретились нос к носу, и если моя душа одновременно является и твоей, то каким образом? Или я что-то путаю?

– Ты забыл об отражениях, мой друг, – криво усмехнулся Фауст. – Ты и я и многие другие – кусочки зеркала, разбросанные по разным мирам. Зеркало одно – отражений много. Ты во мне узнаешь себя, я в тебе тоже, но каждый из нас – самостоятельный осколок, и в чем-то наши судьбы схожи, в чем-то различны.

– В этом ты прав, – сказал Андрей, – я-то девушек не похищаю. Кстати, чем это ты ее накачал, что она у тебя висит мешком?

– Так, немного опиума, – улыбнулся Фауст. – О, конечно, – добавил он, видя, что Андрей что-то хочет сказать, – только энергии, эйдосы, здесь настоящий опиум не существует. Ты можешь обвинять меня в чем угодно, но я всего лишь следую сценарию, к которому ты имеешь некоторое отношение. Здесь никакой иной активной жизни быть не может.

– Вообще-то, – сказал Андрей, – я ничего подобного не сочинял, но подозреваю, чья это работа – а потом с больной головы на здоровую!

– А вспомни свой мысленный роман в 12—13 лет.

Андрей запнулся. Фауст действительно проявлял немалую осведомленность в том числе и в том, о чем, кроме Андрея, не знала ни одна живая душа – о своем мысленном романе и о странной любви к своим вымышленным героям Андрей не рассказывал даже маме. В этом Фауст был прав – согласно сюжетной линии, главную героиню постоянно похищали какие-то злые силы.

– Послушай, – сказал Андрей, – раз уж ты в курсе, хотя в это трудно поверить – неужели какие-то детские бредовые сочинительства могут таким образом воплощаться?! Но это же абсурд какой-то, мало ли детей занимается сочинительством – да по-моему почти все через это проходят, не говоря уж о том, что профессиональных писателей на белом свете тоже не мало. Так что, выходит все, что они понаписали, потом в астрале разыгрывается? Я это себе представить не могу: как все это может сочетаться и согласовываться, и главное, уместиться. Ведь люди сочиняли на протяжении всей своей истории существования!

– И не только люди, но и другие расы. – Загадочно поднял палец вверх Фауст. Все же его облик и речь не соответствовали стандартам злодея, занимающегося грабежами и похищениями принцесс.

– Но как это возможно?

– Миров-фантазий не так уж и много, их создают только те, кто имеет на это санкцию – и эта санкция дается свыше. Тебе она дана.

– Я это не первый раз слышу, – сказал Андрей, – но от этого ситуация мне ясней не становится. Почему именно мне такая честь?

– Эта честь оказана по праву рода.

– Опять какой-то род! Ну не знаю я в своем роду никаких выдающихся личностей! Наверняка по семейным преданиям это бы до меня дошло. Мама любила в нашей генеалогии копать! Кроме прабабушки французской пианистки и прадеда – польского ксендза – ничего примечательного, одни врачи и инженеры.

– Порою причудливо тасуется колода карт. – Повторил Фауст известную фразу Воланда. – Но, увы, я не могу открыть тебе тайну твоего рода, я подчиняюсь сценарию, это должны сделать другие, так должно разыграться в сценарии.

– Да что это за мой собственный сценарий такой, которого я сам не знаю – вернее знаю только какие-то фрагменты?!

– Прости, – вдруг прервал разговор Фауст и надел на голову шлем. – Время вышло, и я вынужден на тебя напасть.

– Да погоди ты! – Закричал Андрей отступая. – Одумайся, наплюй на сценарий этот дурацкий! Я же вижу, что ты не злодей какой-то, не демон – просто Великая заблудшая душа. И потом, тебе в этом месте со мной не справиться – это мой город, ну а если даже справишься, ведь я же часть тебя, а ты – часть меня, пофантазируй о том, что будет с тобой, если ты сразишься со своей частью! Лучше объясни, зачем тебе эта женщина? Для каких-то сексуальных нужд? Не поверю, в астрале для этого не надо никого похищать. И потом, сам секс в астрале – такое убогое занятие! Да и вообще, кто она такая?

– Ничего не могу поделать, сценарий здесь – это та же судьба! А что касается нашей общности, так от нее одни мучения, ты – та часть меня, которая не дает покоя ни днем ни ночью и постоянно терзает душу угрызениями совести. Лучше уж полностью перейти на сторону зла и не терзать себя этой мучительной альтернативой. Она не давала мне покоя на земле, она многократно усилилась после смерти. Пусть у меня мало шансов против тебя – ты прав, это твой город, но, к сожалению ты вряд ли когда-нибудь окажешься на моей территории, и свой шанс я не упущу! Что же касается этой женщины, то она – моя! Сценарий дал нам шанс быть вместе, поскольку нас несправедливо разъединили. Это моя Единственная, и мне не нужен никто другой! Ни на земле, ни в аду, ни в лимбе – и это тоже мое проклятье!

С этими словами Фауст приподнял корпус женщины, которая продолжала пребывать то ли в глубоком сне, то ли в коме, и Андрей узнал это лицо – лицо, глядевшее на него из детских грез, лицо, которое он придумал в своем мысленном романе, и которое отчасти походило на лицо девочки у моря Вечности. Это была живая Тесса, которую в детские годы Андрей страстно мечтал увидеть хотя бы перед мысленным взором.

– Но ведь это Тесса! – Вскричал Андрей. – Причем здесь ты? Я с самого начала подозревал, что это она, и теперь убедился! Это девушка из моих детских грез.

– Какая Тесса!? Это – Маргарита, не морочь мне голову! – В свою очередь истерично закричал Фауст. – Ты специально хочешь меня запутать!

– Но я видел Маргариту! – Возмутился Андрей. – Конечно, они похожи, но не настолько же, чтобы перепутать! Да и потом, если бы это была Маргарита, разве тебе пришлось бы ее усыплять? Наверное она оказала сопротивление.

– Ей специально вытравили память, чтобы она меня забыла! – Продолжал истерично выкрикивать Фауст. – Специально, чтобы меня дополнительно помучить. Я увезу ее в Лимб, и она все вспомнит, мы будем неразлучны. Пусть при жизни это нам не удалось, ну так хоть в посмертии я имею на это право! Она искупила мой смертный грех! Душа моя была выкуплена у сатаны!

– Наверное, никто, кроме тебя самого не может искупить его до конца, – Сказал Андрей. Он говорил тем спокойнее, чем больше нервничал Фауст, – и сейчас ты ослеплен, это не Маргарита, это просто один из литературных персонажей, оживленный, согласно сценарию!

– Опять литературный персонаж! Опять ошибка! – Взвыл Фауст. Затем грубо скинул девушку на траву, выхватил меч и ринулся на Андрея, который к этому времени тоже обнажил клинок.

– Если ты меня убьешь («ерунда какая, разве можно убить в астрале», – пронеслось у него в голове) – то кто же будет сочинять сценарий? – Усмехнулся Андрей. – Ладно, сам напросился, ублюдок, видит Бог, я этого не хотел!

Андрей легко ушел от вертикального рубящего удара Фауста, и перешел в наступление, орудуя шпагой не хуже какого-нибудь д, Артаньяна. Но Фауст оказался куда более крепким орешком, чем остальная его команда, и хоть и не без труда, но отразил мощный шквал изысканных выпадов, которые обрушил на него Андрей, помятуя, что его легкая шпага рубит стальные латы, словно фольгу, а управляться ею куда легче, чем тяжелым широким мечом, положенным средневековому рыцарю. Увы, на этот раз его «Эскалибур» оказался беспомощен, и после того, как несколько его ударов прошли по латам, Андрей убедился что латы Фауста не бутафорские, и легкая шпага оставляет на них только незначительные вмятины, хоть и не ломается сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.